

Лори Форест

ЧЕРНАЯ
ВЕДЬМА

Хроники Черной Ведьмы

Хроники Черной Ведьмы

Лори Форест
Черная Ведьма

«Робинс»

2017

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(7Сое)

Форест Л.

Черная Ведьма / Л. Форест — «Робинс», 2017 — (Хроники
Черной Ведьмы)

ISBN 978-5-4366-0534-0

Элорен – наследница самой могущественной чародейки своего народа. Однако от неё ей досталась лишь внешность – и ни капли магии. С таким незавидным наследством девушка стремится завоевать своё место в жизни. Элорен ждут захватывающие приключения и эпичные сражения. Чью сторону она примет?

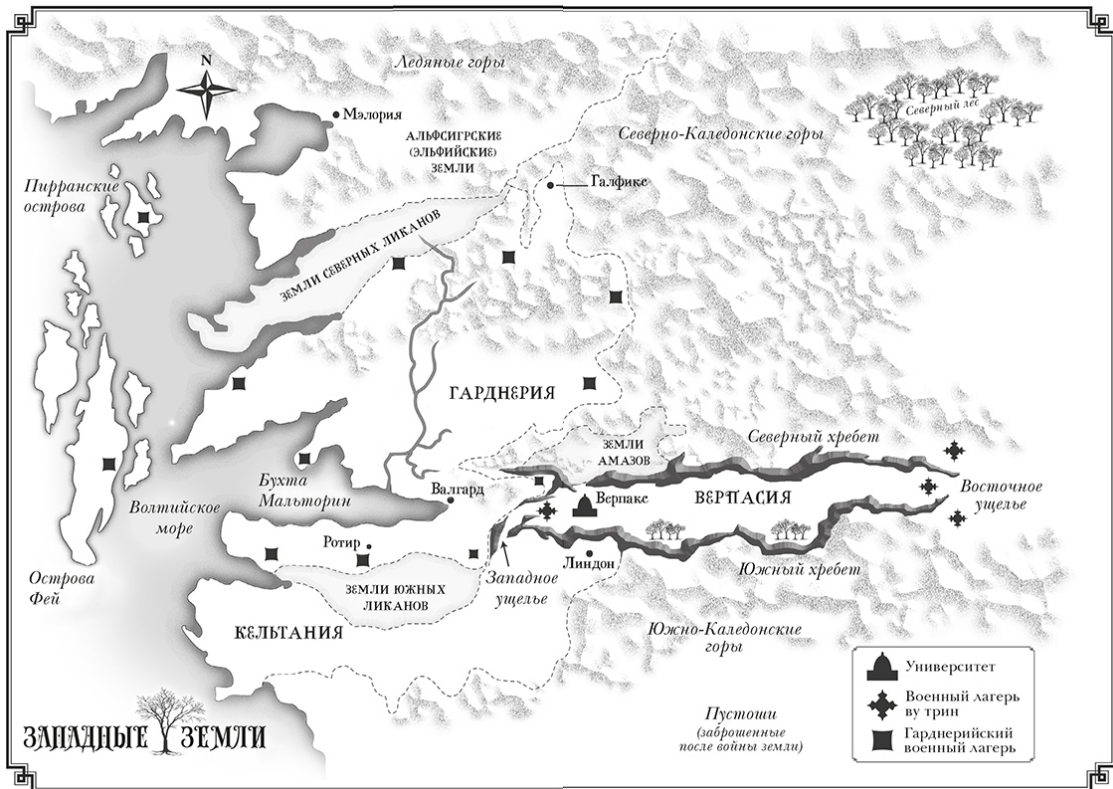
УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-4366-0534-0

© Форест Л., 2017
© Робинс, 2017

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1. Галфикс	8
Глава 2. Тётя Вивиан	14
Глава 3. Прощание	17
Глава 4. Белый жезл	20
Глава 5. Шёлки	25
Глава 6. Валгард	31
Глава 7. Фэллон Бэйн	37
Глава 8. Тиснёный шёлк	42
Глава 9. Чёрная Ведьма	46
Глава 10. Пророчество	50
Глава 11. Айслин Грир	54
Глава 12. Лукас Грей	57
Глава 13. Предложение	65
Глава 14. Икариты	68
Глава 15. Верпасия	75
Часть 2	79
Пролог	79
Глава 1. Университет Верпакса	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лори Форест Хроники Черной Ведьмы Черная Ведьма

Laurie Forest
The black Witch

Copyright © 2017 by Laurie Forest

Cover Art Copyright © 2017 by Harlequin Books S.A.

Cover art used by arrangement with Harlequin Books S.A. ® and ™ are trademarks owned by Harlequin Books S.A. or its affiliated companies, used under license.

Обложка © 2017 by Harlequin Books S.A.

Иллюстрации на обложке использованы по договорённости с Harlequin Books S.A.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2019

Copyright © 2017 by Laurie Forest

*Моей матери, Мэри Джейн Секстон, художнику, творчески одарённому человеку, интеллектуалу
(1944–2015)*

Часть 1

Пролог

Как чудесно в лесу!

Деревья – мои друзья, они всегда мне ласково улыбаются.

Напевая под нос, я скачу по тропинке, устланной мягким ковром из сухих сосновых иголок. Я спешу. Мне нужно догнать любимого дядюшку Эдвина. Он идёт впереди, то и дело оборачиваясь и ободряюще мне подмигивая.

Мне три года.

Никогда прежде мы не забирались в такую чащу, поэтому сегодняшняя прогулка – настоящее приключение, от которого у меня захватывает дух. Честно говоря, я не помню, когда мы в последний раз ходили в лес все вместе. Вот и сегодня мы с дядей Эдвином вдвоем. Братья остались дома, далеко-далеко.

Я изо всех сил стараюсь не отставать. Я перепрыгиваю через толстые извилистые корни и, пригнувшись, пролезаю под тяжёлыми низкими ветвями.

Наконец мы выходим на залитую солнцем поляну.

– Смотри, Эллорен, – говорит дядя, – что я припас для тебя.

Встав на колени, он достаёт из складок плаща длинную тонкую палочку и вкладывает её мне в ладонь.

Подарок!

Эта палочка особенная – очень лёгкая, почти невесомая. Я закрываю глаза – и вижу большое, раскидистое дерево, на котором она когда-то «родилась». Его крона впитывает солнечные лучи, а корни глубоко утопают в земле. Открыв глаза, я подбрасываю палочку на ладони. Она лёгкая как пёрышко.

Дядя выуживает из другого кармана свечу, ставит её на пенёк и просит меня:

– Эллорен, держи палочку крепче.

Обхватив мой кулачок широкой ладонью, он показывает, как правильно сжать пальцы.

Мне немного не по себе.

Дядина рука дрожит. Почему?

Я крепко обхватываю палочку и старательно направляю её на свечу.

– Правильно, Эллорен, – довольно улыбается дя-дя. – А теперь слушай, что я скажу, и повторяй за мной. Сможешь?

Я уверенно киваю. Конечно смогу. Я сделаю всё, о чём попросит дядя Эдвин.

Он что-то говорит, как и предупреждал, а я раздуваюсь от гордости. Слова странные, на незнакомом языке, но повторить их несложно. У меня всё получится. Дяде понравится, он меня обнимет и, может быть, даст сладкое печенье – я видела, как он припрятал несколько штук в жилетном кармане.

Я вытягиваю вперёд руку и направляю палочку на свечу. Дядя Эдвин ждёт не сводя с меня глаз.

А потом я произношу бессмысленные слова.

С моих губ срываются незнакомые звуки, и сразу же по ногам пробегает тёплая волна. Она идёт из самой земли, где-то в глубине у меня под ногами. Она стремится ввысь от самых корней деревьев.

Тёмная древняя сила переполняет меня и устремляется к палочке в моей руке. Крепко сжатый кулачок вздрагивает, и тоненький кончик палочки вспыхивает слепящим пламенем. Громкий хлопок. Из палочки вырываются огненные струи. Пламя пожирает деревья. Огонь

повсюду. Я кричу. У меня в голове множество голосов – это кричат деревья. Пламя ревет. Дядя вырывает из моих рук палочку и отшвыривает её в сторону. Потом подхватывает меня на руки и бежит от огня. Кругом со стоном валятся деревья...

С тех пор я почти не бываю в лесу.

Деревья меня сторонятся, и мне с ними невесело. А в глушь меня и подавно не заманишь.

С годами детские воспоминания затуманиваются.

Иногда мне снится горящий лес, и я просыпаюсь в слезах.

– Это просто сон, – утешает меня дядя. – Однажды, совсем малышкой, ты забрела в чашу.

Началась гроза... Вспомни что-нибудь хорошее. Засыпай.

И я верю дяде. Он так заботится обо мне... разве можно ему не верить?

Даже лес вторит дяде. «Засыпай...» – шелестят листья на ветру.

Воспоминания понемногу меркнут, пропадают, будто бульжник, канувший на дно глубокого, тёмного колодца. Уходят во тьму призрачных ночных кошмаров.

Прошло четырнадцать лет...

Глава 1. Галфикс

– Вот тебе, глупый икарит!

Я иду через поле с корзиной свежих овощей и душистой зелени и улыбаюсь соседским мальчишкам. Солнце светит и ещё дарит тепло, но прохладный ветерок предупреждает: осень не за горами.

Эммет и Бреннан Гаффни – близнецы-шестилетки с чёрными как смоль волосами, зелёными глазами цвета лесной листвы и едва заметно мерцающей кожей, которой так гордятся маги-гарднерийцы.

Бросив игру, мальчики с надеждой провожают меня глазами. Они устроились прямо на прохладной, залитой солнцем траве посреди разбросанных игрушек.

Среди ярко раскрашенных деревянных фигурок нашлось место всем персонажам нашей истории. На широком плоском камне мальчики выстроили солдатиков в боевом порядке. Мужественные черноволосые гарднерийцы в тёмных мундирах с круглыми серебристыми отметинами готовы к бою – они сжимают в руках острые мечи и волшебные палочки.

Напротив зловеще ухмыляются их извечные противники – демоны-икариты с расправленными во всю ширь крыльями и огненными шарами в ладонях. Фигурки икаритов расставлены неподалёку, на бревне, и мальчишки готовятся поразить их камнями из самодельных катапульта.

Не забыты и второстепенные персонажи: прекрасные девы-гарднерийки с длинными чёрными волосами, злые оборотни-ликаны – наполовину волки, эльфы-змеи в зелёной чешуе и таинственные чародейки народа ву трин. Это герои наших песен и сказаний, знакомые с детства, как разноцветные квадратики лоскутного одеяла.

– Что вы тут делаете? – спрашиваю я мальчишек, бросая взгляд в долину на просторный дом и уголья Гаффни. Обычно Элисс Гаффни не отпускает детей так далеко.

– Мама всё плачет и плачет. – Эммет хмуро втыкает полуволка головой в землю.

– Не рассказывай! – сердится Бреннан. – Папа узнает – отлупит тебя хлыстом! Он велел никому не говорить!

Конечно, Бреннану страшно. У мага Уоррена Гаффни тяжёлый нрав, его побаиваются и супруга, и дети, это всем известно. А исчезновение девятнадцатилетней дочери Сейдж только подлило масла в огонь.

Я снова оглядываюсь на поместье Гаффни с уже привычным беспокойством.

«Где же ты, Сейдж? – грустно вопрошаю я. Она бесследно пропала больше года назад. – Что же с тобой случилось?»

Пытаясь хоть немного утешить близнецов, я со вздохом говорю:

– Ничего, всё в порядке. Посидите пока здесь. А хотите – оставайтесь с нами ужинать.

Приглашению близнецы обрадовались, даже приободрились.

– Поиграй с нами, Эллорен, – просит Бреннан, ухватив край моей юбки.

– Может, попозже, – отвечаю я, взлохмачивая шевелюру Бреннана. – Сам знаешь, мне ещё ужин готовить.

– Мы наступаем, икариты бегут! – восклицает Эммет, бросая камень в фигурки на бревне. Деревянный демон падает и катится по траве. – Смотри, мы им сейчас посбиваем крылья!

Подняв фигурку, я глажу некрашеное основание. Затем закрываю глаза и вижу огромное раскидистое дерево, усыпанное нежными белыми цветами.

Боярышник серебристый. Изысканный материал для детской игрушки.

Я открываю глаза – и картинка мгновенно растворяется в воздухе. На меня оранжевыми глазками смотрит деревянная фигурка. Мне хочется ещё раз увидеть дерево, но я знаю: странному искушению лучше не поддаваться.

Взяв в руки любую деревяшку, я могу закрыть глаза и увидеть, почувствовать до самой глубины души дерево, из которого сделана игрушка или кухонная утварь. Узнать о нём всё до мельчайших подробностей. Я вижу место рождения дерева, чувствую запах плодородной земли у его корней, греюсь в солнечных лучах, скользящих по листьям.

Эти видения – моя тайна.

Дядя Эдвин давно мне объяснил, почему о них не стоит рассказывать. Такая странная связь с деревьями похожа на отголосок слишком близкого родства с феями, а о подобных вещах лучше помалкивать. Мы – гарднерийцы, чистокровная раса, а в моём роду к тому же течёт кровь самых сильных магов.

Однако иногда мне лезут в голову всякие мысли... Если наша кровь так чиста, откуда у меня эти странные видения?

– Осторожнее с игрушками, – мягко напоминаю я мальчишкам и, стряхнув воспоминания о дереве, кладу игрушку на траву.

Вскоре я подхожу к домику, в котором мы, два моих брата и я, живём с дядей Эдвином, и звуки битвы постепенно затихают вдали. За полем у конюшен что-то стоит. Приглядевшись, я вздрагиваю от неожиданности.

Это большая, красивая карета с искусно выписанной на двери золотистой буквой «М» – знаком Совета магов.

Рядом расположилась охрана – четыре воина, копии деревянных игрушек, присели пообедать. Ремни португеи туго обхватывают их чёрные мундиры с серебристыми кругами на груди, мечи и волшебные палочки надёжно упрятаны в ножны на боку.

В карете, скорее всего, приехала моя тётя – больше никому. Тётя состоит в Высшем совете магов и всегда путешествует с вооружённой до зубов охраной.

Я взволнованно ускоряю шаг. Уж если моя могущественная тётушка отправилась в далёкий и всеми забытый Галфикс, значит, в Эртии случилось что-то из ряда вон. В последний раз мы встречались с тётей Вивиан, когда мне исполнилось пять лет.

Мы тогда жили в Валгарде, шумном портовом городе, столице Гарднерии. Но и там мы виделись очень редко.

Однажды тётя зашла в дядин музыкальный магазинчик, где продавали скрипки.

– Ты проверил детей? – как бы между прочим спросила она, устремив на дядю острый, холодный взгляд. – Проверил их магические способности?

Я помню, как вцепилась в полы дядиной куртки и спряталась за его спиной. Элегантная тётушка внушала мне бесконечное восхищение.

– Конечно проверил, Вивиан, – запинаясь ответил сестре дядя Эдвин. – И не раз.

Я с удивлением взглянула на дядю, не припоминая ничего подобного. К тому времени я уже знала, что у всех детей в Гарднерии ищут способности к магии.

– И что ты обнаружил? – требовательно спросила тётя.

– У Рейфа и Эллорен магических сил нет, – ответил дядя, закрыв меня от тёти Вивиан. – А вот у Тристана... кое-что есть.

– Ты уверен?

– Да, Вивиан, никаких сомнений.

С тех пор тётя время от времени заходила к нам.

Однако вскоре городская жизнь дяде опротивела, и однажды мы вдруг снялись с места и переехали в крошечный Галфикс, забытый городишко на северо-восточной границе Гарднерии. Далёко-далёко, посреди бескрайних лесов и полей.

У самого дома я застываю столбом. Из окна кухни доносятся голоса. Говорят обо мне.

– Пойми, Эдвин, Эллорен уже не ребёнок.

Я осторожно опускаю на землю корзину с овощами и бесшумно усаживаюсь под окном.

– Для обручения она слишком молода. – Дядя старается говорить уверенно, но его голос дрожит.

Обручение? У меня перехватывает дыхание. Я знаю, что мои ровесницы в столице и больших городах Гарднерии уже обручены, на всю жизнь связаны магией с wybranными для них юношами. Но мы здесь, в долине среди высоких гор, далеки от столичной жизни. Из всех моих знакомых обручилась лишь Сейдж... обручилась – и пропала.

– Семнадцать лет – самый подходящий возраст, таковы наши обычаи. – В голосе тётки сквозит раздражение.

– Не надо кивать на обычаи, – уже увереннее отвечает дядя. – Эллорен слишком рано об этом думать. Откуда ей знать, чего она хочет? Она ничего не видела в жизни...

– Не видела. Из-за тебя!

Дядя пытается протестовать, но тётка не даёт ему вставить и слова.

– Хватит, Эдвин! Ты прекрасно знаешь, что случилось с Сейдж Гаффни. Мы не можем допустить подобного в нашей семье. Я заберу Эллорен с собой и представлю её самым достойным женихам. А после обручения устрою её помощницей при Совете магов. Пришло время серьёзно задуматься о будущем девочки.

– Я очень серьёзно отношусь к будущему Эллорен, но считаю, что она слишком молода... а ты хочешь всё решить за неё.

– Эдвин. – В голосе тётки звенят стальные нотки. – Ты не оставляешь мне выбора. Я обойдусь и без твоего согласия.

– Не забывай, Вивиан, – дядя сдаваться не намерен, – старший мужчина в семье – я, и последнее слово о будущем Эллорен за мной. А после моей смерти решать будет Рейф, но никак не ты.

Я удивлённо вскидываю брови. Если в ход пошли такие доводы, дело плохо. Дядя частенько брюзжит, что законы Гарднерии несправедливы к женщинам, и он прав. У женщин волшебная сила просыпается нечасто, моя бабушка – на редкость сильная чародейка – была исключением. Почти все маги в Гарднерии мужчины, волшебная сила переходит по наследству от отца к сыну. Поэтому государством у нас правят мужчины, они же главенствуют и в семьях.

Дядя Эдвин уверен, что мужчинам дано слишком много власти: женщина может получить волшебную палочку только с одобрения Совета магов, все решения в семье принимает старший из мужчин, а должность верховного мага может занимать только мужчина. Но больше всего дяде не нравится, когда девушек заставляют проходить обряд магического обручения в совсем юном возрасте, и с каждым годом всё раньше и раньше.

– Не вечно же ты будешь её оберегать, – настаивает тётка. – Достойных юношей не так много, а тебя однажды не станет – и что тогда?

– Эллорен уже взрослая. Она сама выберет свою дорогу.

Тётка даже не пытается сдержать смех. Как красиво звучит её голос – будто перезвон хрустально-прозрачных струй водопада. Вот бы мне такой смех!

– И каким, интересно, образом она «выберет свою дорогу»?

– Я решил отправить Эллорен в университет.

От неожиданности я безотчётно набираю полную грудь воздуха и застываю как каменная, не в силах ни выдохнуть, ни пошевелиться. В доме тишина, вероятно, тётка поражена не меньше моего.

Я поеду в университет Верпакс. Вместе с братьями. В другую страну! О таком счастье я и не мечтала.

– В университет? Но зачем? – в ужасе выдыхает наконец тётка.

– Пусть учится аптекарскому делу.

Вот это да! Я готова броситься в пляс от счастья! Я давно перечитала все книги в нашей маленькой библиотеке, выучила всё, что могла, о травах из нашего сада. Как я завидовала Тристану и Рейфу... им-то давно разрешили учиться у настоящих мастеров.

Университет Верпакс. В неугомной столице Верпасии. Сколько я слышала об университетских лабораториях и теплицах! О легендарной библиотеке «Гарднериан Атенеум», где книг столько, что не перечитать за всю жизнь! Верпасия лежит на перекрёстке торговых путей, всевозможные товары – среди них аптекарское сырьё и инструменты – стекаются туда со всех сторон света.

И всё это я увижу собственными глазами! У меня идёт кругом голова.

– Ну что ты, Вивиан, – утешает её дядя. – Успокойся. Аптекарей уважают. Это подходящая профессия для женщины, да и Эллорен с удовольствием проводит время за книгами. Аптекарское дело подойдёт ей куда больше, чем любое занятие в Совете магов. Эллорен любит свой сад, растит травы, сама смешивает снадобья. И у неё очень неплохо выходит.

В доме по-прежнему тихо.

– Ты не оставляешь мне выбора, – резко отвечает наконец тётя. – До обручения Эллорен я не дам ни гильдера на её учебу в университете.

– Я предвидел такой поворот, – холодно отзывается дядя. – И уже обо всём договорился. Эллорен будет работать на кухне, там же, в университете. За учёбу она заплатит сама.

– Это неслыханно! – Тётя едва не срывается на крик. – Можно подумать, ты растишь невежественных кельтов! Какой позор! Ты забыл, кто мы такие, Эдвин? Девушки-гарднерийки, да ещё такого высокого происхождения, на кухне не работают! Там место урилкам, кельтам, кому угодно – только не Эллорен. Да её засмеют!

В спину мне врезается что-то большое и мягкое, и я подскакиваю от неожиданности. Это Рейф, мой старший брат. Он уже плюхнулся рядом и широко улыбается.

– Что, испугалась?

Рейф – высокий, широкоплечий великан, а передвигается бесшумно, как кот. Он выучился охотничьим повадкам, когда бродил по лесам и полям, выслеживая дичь. Он и сейчас только возвращается с охоты. На одном плече – лук и колчан со стрелами, на другом – добыча, болтающийся вниз головой дикий гусь.

Метнув на брата грозный взгляд, я прижимаю палец к губам, умоляя его помолчать. В доме возобновляется спор о моём обручении.

Рейф прислушивается, с любопытством вытянув шею.

– Ах, – дурашливо шепчет он, дружески толкнув меня плечом. – Как романтично!

– Ты пропустил самое интересное, – шепчу я в ответ. – Недавно обсуждали, как мы будем жить, когда ты станешь моим господином и повелителем после смерти дяди Эдвина.

– Я введу жесточайшие правила, – фыркает Рейф. – Будешь исполнять за меня все домашние обязанности. И мыть посуду!

Я чуть не прыскаю со смеху.

– А ещё я велю тебе обручиться с Гаретом, – не унимается он.

Разинув от удивления рот и распахнув глаза, я молча смотрю на брата. С Гаретом мы дружим с детства, он мне как брат. Обручиться с Гаретом? Ну уж нет!

– А что? – смеётся Рейф. – Не худший выбор. – Бросив взгляд мне за спину, он вдруг широко улыбается: – Смотрите, кто пришел! Гарет, Тристан, привет!

К нам действительно направляются Тристан и Гарет. Когда наши с Гаретом взгляды встречаются, он заливается краской и смотрит на меня покорно и застенчиво.

Неприятно получилось. Он наверняка слышал подтрунивание Рейфа.

Гарету недавно исполнилось двадцать лет. Это высокий, широкоплечий парень. У него такие же темно-зелёные глаза и чёрные волосы, как у всех в Гарднерии. Вот только в чёрных

как смоль волосах Гарета поблёскивают серебристые пряди. У гарднерийцев такое встречается редко, некоторые даже считают это признаком смешения кровей.

Как только не дразнили Гарета в детстве! И монгрелом, и эльфхолленом, и отродьем фей. Стоически не обращая внимания на грубости, Гарет часто уходил в море с отцом, капитаном корабля, или прятался здесь, у нас.

Мои щёки розовеют от смущения. Я люблю Гарета, но как брата. И уж точно не собираюсь с ним обручаться.

– Что вы тут делаете? – растерянно глядя на нас с Рейфом, спрашивает Тристан.

– Подслушиваем, – весело шепчет в ответ Рейф.

– Зачем?

– Там обсуждают обручение Рен. Ей уже скоро...

– Ничего подобного, – недовольно перебиваю я Рейфа, но не поделиться захлестнувшей меня радостью выше моих сил. – Я еду в университет! – с улыбкой сообщаю я.

– Это шутка? – Тристан явно не верит своим ушам.

– Нет, не шутка, – добродушно подтверждает Рейф.

Тристан одобрительно кивает. Мой младший брат – тихоня, прилежный ученик – обожает университет. Из нас троих только Тристан владеет магией, а ещё он мастерит прекрасные луки и стрелы. В свои шестнадцать лет он уже получил приглашение в гильдию оружейников Гарднерии и прошёл обучение в войсках.

– Здорово, Рен. Будем вместе обедать, – улыбается Тристан.

Рейф притворно сердито шикает на Тристана и показывает на окно.

Младший брат послушно съёживается рядом с нами, Гарет тоже неловко опускается на траву.

– Так нельзя, Эдвин. Как можно отправить девушку в университет, не обручив её с достойным человеком? – Однако голос тёти звучит уже не так уверенно.

– Но почему? – не уступает дядя. – Рейф и Тристан не обручены – и прекрасно учатся. К тому же Эллорен не какая-нибудь глупышка.

– Сейдж Гаффни тоже никто не назвал бы глупышкой, – сурово напоминает тётя. – Сейчас в университет принимают всех подряд: и кельтов, и эльфхолленов... В этом году взяли даже двоих икаритов. Представь себе, Эдвин, – икаритов!

Невероятно! Демоны-икариты?! В университете?! Кто их пустил? Простачки кельты и эльфхоллены – ещё ладно, но икариты?! Я встревоженно оглядываюсь на Рейфа, но брат лишь пожимает в ответ плечами.

– А всё из-за того, что в Совете Верпасии собрались одни полукровки. – В голосе тёти звучит отвращение. – Равно как и в администрации университета. Они призывают к невероятному, безумному объединению всех рас, что, честно говоря, просто опасно. Как только Маркус Фогель займёт пост верховного мага, он наведёт порядок.

– Если займёт... – быстро поправляет её дядя. – Что, если выиграет не Фогель?

– Он выиграет, – злорадно отвечает тётя. – У него отличная поддержка.

– Не понимаю, какое отношение всё это имеет к Эллорен, – прерывает её политические разглагольствования дядя.

– Самое прямое! Что, если она увлечётся неизвестно кем, вступит в союз, который разрушит её будущее, и бросит тень на всю семью?! Будь Эллорен обручена, как многие её ровесницы, я бы не возражала против учёбы в университете...

– Вивиан, всё решено, – настойчиво напоминает дядя. – И я не передумаю.

Молчание.

– Хорошо. – Тётя неодобрительно вздыхает. – Переубедить тебя, как я вижу, не удастся. Но позволь Эллорен провести хотя бы неделю со мной, а потом ехать в университет. Валгард как раз по пути.

– Ладно, согласен, – устало сдаётся дядя.

– Рада, что мы договорились, – довольно отзывается тётя. – А теперь, дорогая племянница и племянники, хватит прятаться под окном. Вылезайте и заходите в дом, я буду очень рада всех вас увидеть!

Гарет, Тристан и я вздрагиваем от неожиданности.

Рейф ухмыляется, лукаво подняв брови.

Глава 2. Тётя Вивиан

Близнецы Гаффни влетают передо мной в дом и спешат на кухню. Оттуда доносятся радостные голоса и смех.

Стоя ко мне спиной, тётя приветливо целует Рейфа в обе щеки. Дядя пожимает руку Гарету, а близнецы скачут вокруг Тристана и протягивают ему деревянных солдатиков.

Тётя наконец выпускает Рейфа из объятий, затем во всеулышание сообщает, как он вырос, и грациозно поворачивается ко мне.

Широко распахнув глаза, тётя впивается в меня взглядом и застывает на месте, словно встретив призрак.

Глядя на тётю, постепенно умолкают и все остальные. На лицах братьев и Гарета написано недоумение, а вот дядя Эдвин ничуть не удивлён. Он лишь переводит мрачный, беспокойный взгляд с меня на тётю и обратно.

– Эллорен, – взволнованно приветствует меня тётя Вивиан, – как ты похожа на свою бабушку! Не отличить!

Это очень приятный комплимент, тётиным словам хочется верить. Моя бабушка обладала не только невероятной магической силой, но и красотой, о которой слагали легенды.

– Спасибо, – смущённо благодарю я.

Тётя Вивиан окидывает взглядом моё простенькое платье из домотканой материи.

Сложно вообразить более неуместные декорации для тётушки, чем наша крохотная кухня с выдавшим виды старым буфетом, кипящими на плите чугунками и пучками сухих трав, свисающими с потолка.

Тётя Вивиан сейчас напоминает изысканный портрет, по недосмотру оставленный на прилавке зеленщика.

Я жадно рассматриваю тётин наряд – удлинённую облегающую блузку и длинную тёмную шёлковую юбку с изысканными узорами виноградной лозы. Именно так должна выглядеть настоящая гарднерийка: густые чёрные волосы до пояса, тёмно-зелёные глаза и причудливые знаки магического обручения на руках.

Рядом с тётей я особенно остро ощущаю себя неухоженной. Мне семнадцать лет, я высокая и довольно стройная, у меня чёрные волосы и зелёные глаза цвета молодой листвы, но на этом наше сходство заканчивается. На мне бесформенная коричневая блузка и длинная юбка, лицо не накрашено (у меня вообще нет косметики), волосы стянуты на затылке в не слишком аккуратный пучок, а скулы и подбородок чересчур острые, даже угловатые, в противоположность нежным чертам тётушкиного лица.

Тётя Вивиан стремительно шагает вперёд и заключает меня в объятия. Похоже, мой вид её не сильно разочаровывает. Расцеловав меня в обе щеки, она снова окидывает меня пристальным, изучающим взглядом.

– Невероятно... Как ты на неё похожа! – восхищённо говорит она. – Жаль, что ты её совсем не знала, Эллорен, – задумчиво добавляет тётя.

– Мне тоже жаль, – уже не так растерянно отвечаю я.

В глазах тёти Вивиан блестят невыплаканные слёзы.

– Она была величайшей среди магов. Мы все ею гордимся.

Дядя неслышно обходит кухню, ставит на стол тарелки и чашки. Посуда в его руках звякает чуть громче обычного. Он почему-то отводит глаза, словно не хочет встречаться со мной взглядом. Гарет вообще будто прирос к полу. Он стоит возле плиты и, сложив на груди сильные руки, неотрывно смотрит на нас с тётей.

– Вы, наверное, устали с дороги, – взволнованно обращаюсь я к высокопоставленной родственнице. – Присядьте, отдохните. Сейчас я подам чай и печенье.

Пока я расставляю угощение, тётя Вивиан усаживается за стол вместе с Рейфом и Тристаном. Дядя Эдвин разливает чай.

– Эллорен, – обращается ко мне тётя, отпив чаю. – Я знаю, что ты слышала наш разговор. Даже хорошо, что слышала... Что ты думаешь об обручении?

– Послушай, Вивиан, – встречается дядя, едва не уронив чайник. – Не надо об этом. Я сказал, и не раз. Решение принято.

– Конечно, Эдвин, я всё помню, но давай послушаем Эллорен. Что в этом такого? Ты ведь знаешь, Эллорен, что большинство девушек в семнадцать лет уже обручены. Что ты на это скажешь?

Кровь приливает к моим щекам, и я неуверенно выдавливаю ответ:

– Я... мы об этом почти не говорили.

Везёт же братьям, играют себе с близнецами в солдатики на другом конце стола! А почему, собственно, мы говорим обо мне? Рейф старше. Ему уже девятнадцать!

– Что ж... – бросив недовольный взгляд на дядю, отвечает тётя Вивиан, – пришла пора поговорить. Ты уже слышала, что завтра я забираю тебя с собой. Поживёшь у меня, я расскажу тебе всё, что знаю о магическом обручении и об учёбе. Закажем тебе в Валгарде новый гардероб. А потом твои братья заедут к нам на денёк-другой по дороге в университет. Ты не против?

Мы уезжаем завтра! Сначала в Валгард, а оттуда – в университет! При мысли о том, что тихий, неприметный Галфикс останется позади, меня охватывает радостное волнение. Дядя встревоженно смотрит перед собой, крепко сжав губы.

– Я буду очень рада поехать с вами, тётя Вивиан, – вежливо отвечаю я, изо всех сил стараясь сдержать ликование.

Гарет предупреждающе смотрит на меня, и я вопросительно склоняю голову к плечу.

Заметив наше переглядывание, тётя оборачивается к Гарету.

– Гарет, – любезно произносит она, слегка прищурив зелёные глаза. – Я имела честь работать с твоим отцом, прежде чем он ушёл на пенсию с должности главы морской гильдии.

– Он не ушёл на пенсию, – натянуто поправляет её упрямый Гарет. – Его заставили подать в отставку.

На кухне воцаряется тишина. Даже близнецы умолкают, почувствовав всеобщее напряжение. Поймав взгляд Гарета, дядя незаметно качает головой, будто предостерегая от необдуманных слов.

– Ты очень откровенен в своих суждениях, – всё с той же любезной улыбкой отвечает тётя. – Пожалуй, оставим разговоры о политике более образованным согражданам.

– Мне пора, – отрывисто объявляет Гарет и поворачивается ко мне: – Рен, я зайду навестить тебя в Валгарде. Прогуляемся на яхте.

Тётя не сводит с меня глаз. Представляю, что она думает о нас с Гаретом. Я понимаю, что надо ответить сдержанно, но при этом не обидеть друга.

– Хорошо, Гарет. Увидимся. Не знаю, будет ли у меня время для прогулок.

Метнув на прощание раздосадованный взгляд на нашу гостью, Гарет поднимается из-за стола.

– Ничего, Рен. Может, зайдёшь на минутку к моим родителям? Отец будет очень рад.

Тётя невозмутимо пьёт чай, но краешек её губ вздрагивает при упоминании отца Гарета.

– Я бы с удовольствием, – осторожно отвечаю я. – Мы так давно не виделись.

– Ну, я пошёл, – сухо прощается Гарет.

Рейф поднимается проводить друга, скрипнув ножками старого стула по грубым доскам пола.

Тристан тоже встаёт из-за стола. За ним торопятся близнецы и дядя. Кухня быстро пустеет. Теперь за столом только мы с тётей.

Она непринуждённо пьёт чай, то и дело бросая на меня проницательные взгляды, словно хочет лучше изучить.

– Похоже, дорогая, ты нравишься Гарету, – задумчиво произносит тётя Вивиан.

– Нет... всё не так, – сбивчиво пытаюсь объяснить я, при этом чувствуя, как у меня начинают гореть щёки. – Мы просто друзья.

Тётя грациозно наклоняется ко мне и накрывает мою ладонь своей.

– Ты уже не дитя, Эллорен. Твоё будущее всё больше и больше зависит от того, с кем ты общаешься. – Одарив меня многозначительным взглядом, тётя откидывается на спинку стула и с облегчением добавляет: – Как я рада, что твой дядя наконец-то взялся за ум и отпустил тебя со мной. Жду не дождусь, когда я познакомлю тебя с достойными молодыми людьми.

После ужина я несу остатки еды свиньям в хлев. Дни становятся всё короче, тени – длиннее, холод гонит прочь летнее тепло, а солнце больше не в силах давать ему отпор.

При свете дня учёба в университете казалась мне весёлым приключением, но теперь, в медленно надвигающихся сумерках, меня охватывает необъяснимый страх. Конечно, я мечтаю увидеть мир, но в то же время люблю тихую жизнь с дядей в приграничном городке, где я выращиваю травы, ухаживаю за животными, готовлю простые снадобья, помогаю делать скрипки, читаю, шью.

Здесь так тихо. Так безопасно.

Я беспокойно вглядываюсь в даль: вот сад, где играли близнецы, вот просторный дом и владения Гаффни, а дальше – нетронутые земли и горы, которые на закате бросают на долину тень.

И конечно же лес, глухой, дремучий лес.

Над пустынными землями парят странные белые птицы с необъятными переливчатыми крыльями. Раньше я таких не видела.

Прищурившись, я слежу за птицами, и вдруг меня охватывает предчувствие надвигающейся беды. Даже земля дрожит у меня под ногами.

На мгновение я забываю о прижатой к бедру корзине с кормом для свиней, и несколько крупных картофелин с глухим стуком падают из неё на землю. Я поднимаю их и возвращаю в корзину.

Выпрямившись, я снова смотрю вдаль, напрасно отыскивая взглядом белых птиц – их больше нет.

Глава 3. Прощание

Поздним вечером при тусклом свете небольшой лампы в спальне я собираюсь в дорогу. Моя рука то и дело оказывается в тени. Я отвлекаюсь и зачарованно смотрю на неё.

Моя кожа, как у всех гарднерийцев, слегка мерцает в темноте. Мы – Первые Дети. Так Древнейший отметил законных хозяев Эртии.

По крайней мере, именно так сказано в нашей священной «Книге древних».

Дорожный сундук – подарок тёти Вивиан – стоит на кровати. Мне вдруг приходит в голову, что с тех пор, как мы с братьями перебрались к дяде после гибели родителей в Войне миров, я никогда не расставалась с опекуном дольше, чем на день. Кровавая война шла целых тринадцать лет. В последней битве погибла моя бабушка. Избежать войны было невозможно. Вначале осаждённая со всех сторон Гарднерия подвергалась жестоким набегам и грабежам, однако к моменту подписания мирного договора заключила союз с альфсигрскими эльфами, и её территории увеличились почти в десять раз. Таким образом, Гарднерия стала самым сильным из воюющих государств.

И всё благодаря моей бабушке – Чёрной Ведьме.

Родителей я почти не помню. Отца звали Вейл, он занимал важный пост в армии, а маму – Тессла. Она отправилась его навестить как раз перед наступлением кельтов. Мама и папа сражались бок о бок, но в итоге погибли, и вскоре дядя забрал нас к себе.

Изабель, моя белая кошка, запрыгивает в сундук и запускает коготки в лоскутное одеяло, которое мама сшила незадолго до моего рождения. Укрываясь им, я будто слышу, как мама поёт мне колыбельную, и почти чувствую её объятия, и тогда, даже в самые грустные дни, на меня нисходит покой.

Мама словно вплела в мягкую ткань ярких лоскутков свою любовь.

Рядом с сундуком – мой аптекарский ящик, внутри ровно уложены склянки, инструменты, готовые снадобья. Страсть к лекарственным растениям я унаследовала от матери. Она была талантливым аптекарем, даже прославилась, составляя рецепты уникальных эликсиров и укрепляющих настоек.

Готова к поездке и скрипка. В изгибах её янтарного корпуса отражается мягкий свет лампы, и я нежно провожу рукой по гладкой поверхности.

Скрипку я сделала сама и просто не в силах с ней расстаться. Вообще-то мне не положено знать, как получают такие инструменты. В Гарднерии женщинам запрещено вступать в гильдии музыкальных мастеров. Дядя долго отказывался брать меня в ученицы, но со временем заметил мои способности к музыке и сдался.

Я очень люблю делать скрипки. Мне всегда хотелось дотронуться до древесины, почувствовать её спокойную силу. По небольшому бруску или дощечке я могу определить вид дерева, его состояние, представить, как будет звучать музыкальный инструмент из такой древесины. Бывает, я засиживаюсь в мастерской допоздна, с упоением вырезаю, чищу и шлифую детали, придаю сырому дереву изящные формы.

Иногда, долгими зимними вечерами, сидя у камина, мы с дядей играем на скрипках.

Мои размышления прерывает вежливый стук, и, повернувшись, я вижу в дверном проёме дядю Эдвина.

– Не помешаю?

В тусклом тёплом свете лампы дядино лицо выглядит мягче и добрее обычного. Однако в его голосе проскальзывают беспокойные нотки.

– Нет конечно, – тут же отвечаю я. – Я почти закончила.

– Я зайду на минутку? – неуверенно спрашивает он.

Я киваю и сажусь на кровать – без привычного лоскутного одеяла она кажется чужой. Дядя усаживается рядом.

– Ты, наверное, не знаешь, что и думать, – произносит дядя. – Несколько месяцев назад твоя тётя предупредила, что собирается нас навестить и поговорить о твоём будущем. Тогда-то я и написал в университет. Так, на всякий случай. Я давно знал, что Вивиан однажды явится за тобой, но надеялся, что не раньше, чем через пару лет.

– Но почему?

Меня гложет любопытство. Почему тётя Вивиан так заинтересовалась мной и почему дядю Эдвина это так тревожит?

Дядя нервно сплетает пальцы.

– Потому что я боюсь, что будущее, которое подготовила для тебя Вивиан, не принесёт тебе счастья. – Помолчав, дядя вздыхает: – Ты ведь знаешь, Эллорен, ты и мальчики мне как родные.

Я молча кладу голову дяде на плечо. Его шерстяной жилет покалывает щёку. Дядя обнимает меня, щекача жёсткой бородой.

– Я заботился о вас, старался защитить, – продолжает он. – Будь живы твои родители, они бы меня поняли.

– Я тоже люблю тебя, дядя Эдвин, – хрипло отвечаю я. У меня на глаза наворачиваются слёзы.

Как давно я мечтала уехать... но теперь вдруг отчётливо понимаю, что долго, очень долго не увижу дядю и мой любимый дом. Может быть, до самой весны.

– Ну, ну, ты что это вдруг? – Дядя успокаивающе гладит меня по плечу.

– Просто... всё так внезапно. – Я смахиваю слёзы. – Я хочу поехать, но... я буду скучать по тебе. И по Изабель.

Изабель прыгает ко мне на колени и мурлычет, утешая на свой лад.

Как не хочется чувствовать себя одинокой вдали от дома.

– Ну, будет тебе. – Дядя крепко обнимает меня. – Не плачь. Я присмотрю за Изабель, а ты скоро вернёшься и расскажешь нам о своих приключениях.

Я вытираю слёзы и отодвигаюсь, чтобы взглянуть дяде в глаза. Не понимаю, почему всё так вдруг, так срочно. Дядя всегда противился моему отъезду, хотел, чтобы я жила дома. Почему он отпускает меня сейчас?

В ответ на мой немой вопрос дядя грустно вздыхает:

– Вивиан не заставит тебя обручиться, пока мы с Рейфом против. Но она может настоять на выборе профессии, если я не скажу своё слово первым. Поэтому я поднял старые связи на аптекарском факультете и нашёл тебе место в университете.

– А почему ты не хочешь, чтобы я училась при Верховном совете магов, как предложила тётя Вивиан?

– Это не для тебя, – качает головой дядя. – Тебе нужна более... – он колеблется, подбирая слова, – более мирная профессия.

Пристально глядя на меня, он будто пытается передать мне тайные надежды и предупредить об опасностях, а потом наклоняется и гладит Изабель. Кошка трётся головой о его руку и благодарно мурлычет.

Я молча смотрю на дядю, пытаюсь разгадать его мысли.

– Если спросят, – добавляет он, не сводя глаз с кошки, – я давно всё проверил, ты не владеешь магией.

– Знаю, но... я этого не помню.

– Конечно не помнишь, – беспечно отвечает дядя Эдвин, почёсывая Изабель за ушком. – Ты была совсем маленькой и ничего не запомнила – ведь у тебя нет волшебного дара.

Из нас троих магические способности есть только у Тристана. В отличие от большинства гарднерийцев, которые совсем не разбираются в магии или имеют очень поверхностные о ней представления, Тристану подвластна действительно мощная сила. Он изучал магию оружия, особенно опасную ветвь волшебства. Дядя не разрешает приносить домой волшебные палочки и книги заклинаний, потому брат так и не смог показать мне, на что способен.

Пристально глядя мне в глаза, дядя Эдвин вдруг с необычной настойчивостью произносит:

– Эллорен, пообещай, что не оставишь университет и не перейдёшь на учёбу в Совет магов, как бы Вивиан ни старалась тебя переубедить.

Не понимаю, к чему такие сложности? Я всегда хотела быть аптекарем, как мама, и никогда не собиралась учиться при правящем Совете. Я согласно киваю.

– А если со мной что-то случится, ты сначала окончишь учёбу и только потом обручишься.

– Но с тобой ничего не случится!

– Нет конечно, – улыбается дядя. – Просто пообещай... на всякий случай.

У меня в душе поднимается уже знакомая тревожная волна. Дяде давно нездоровится, он быстро устаёт, у него болят суставы, а временами ему тяжело дышать. Нам с братьями очень страшно говорить об этом. Дядя давно заменил нам родителей, так давно, что отца и маму мы почти не помним и упорно гоним мысли о том, что дядя не вечен.

– Хорошо, – киваю я. – Я подожду. Даю слово.

Лицо дяди Эдвина немного проясняется. Одобрительно похлопав меня по плечу, он поднимается под хруст суставов.

– Поезжай в университет, – положив ладонь мне на голову, ласково говорит он. – Изучи аптекарское дело. Потом возвращайся в Галфикс и открой у нас настоящую аптеку.

Холодное, липкое беспокойство понемногу отступает.

Да будет так. И возможно, где-нибудь я встречу юношу, с которым решу обручиться. Быть может, мы вместе поселимся здесь, в Галфиксе.

– Я так и сделаю, – с новыми силами обещаю я.

Всё слишком внезапно и неожиданно – но разве не об этом я так долго мечтала? Всё будет хорошо.

– Ложись спать, – советует дядя. – У тебя впереди долгая дорога.

– До завтра.

– Спокойной ночи.

Уже в дверях дядя улыбается мне и уходит. Я молча смотрю ему вслед.

Глава 4. Белый жезл

Я просыпаюсь от громкого стука в окно, подскакиваю на кровати и застываю на месте, увидев на дереве огромную белую птицу. Она смотрит мне прямо в глаза.

Вчера на закате такие птицы парили в предгорьях.

В голубоватых предрассветных сумерках её крылья белеют, как у призрака.

Медленно выскользнув из постели, я направляюсь к окну, стараясь не спугнуть удивительную гостью. Однако, стоит мне коснуться пола, птица бесшумно расправляет великолепные крылья и исчезает из виду. Я в изумлении бросаюсь к окну.

Птица снова ловит мой взгляд, будто приглашая за собой.

Она ждёт меня за полем, возле длинного забора, который отделяет наши земли от угодий Гаффни.

Одевшись на скорую руку, я выбегаю из дома. Снаружи всё окутано причудливым голубоватым светом, поэтому знакомый пейзаж кажется воздушным, невесомым и чужим.

Птица всё так же пристально смотрит на меня.

Ступая, будто во сне, в предрассветной мгле, я направляюсь к ней.

И вот я рядом, но птица снова взлетает. Она летит над садом туда, где забор исчезает в густых кустах.

У меня по спине бегут мурашки, но я упрямо следую за белой гостьей. Похоже, мы играем в прятки. За поворотом открывается небольшая поляна. Обежав её взглядом, я в страхе подпрыгиваю и едва не срываюсь с места.

Белая птица, выманившая меня из дома, сидит на длинной ветке дерева рядом с двумя такими же. Под деревом виднеется призрачная фигура в длинном чёрном плаще. Лицо скрыто под большим капюшоном.

– Эллорен! – Знакомый голос... Вот уж неожиданная встреча!

– Сейдж?

От радости и испуга моё сердце бешено колотится.

У забора стоит Сейдж Гаффни, старшая дочь нашего соседа.

Я осторожно подхожу к неподвижной фигуре, ни на мгновение не забывая о птицах. Белые создания следят за каждым моим шагом. Постепенно в голубоватой предутренней дымке я со страхом различаю её исхудалое испуганное личико. Сейдж – дочь одного из самых состоятельных землевладельцев Гарднерии – всегда была симпатичной, круглолицей девушкой, училась в университете. Повинуясь воле религиозных родителей, Сейдж в тринадцать лет обручилась с Тобиасом Вассилисом, отпрыском уважаемой семьи. У неё было всё, о чём только может мечтать гарднерийка.

Однако, проучившись в университете всего месяц или два, Сейдж исчезла. Прошло уже больше года, а родственники по-прежнему её разыскивали. Но тщетно.

И вот она здесь, будто восставшая из могилы.

– Тише, Эллорен, – обрывает она мой лепет, настороженно оглядываясь. Сейдж держится как натянутая струна, в любую секунду готовая сорваться и убежать. За плечами у неё большой дорожный мешок. Под чёрным плащом что-то шевелится. Сейдж явно что-то прячет.

– Что у тебя там? – любопытствую я.

– Мой сын, – отвечает Сейдж, упрямо вздёрнув подбородок.

– У вас с Тобиасом родился сын?

– Нет, – нетерпеливо поправляет она, – его отец не Тобиас. – Это имя она произносит с таким отвращением, что я вздрагиваю. Ребёнка Сейдж по-прежнему держит под плащом.

– Чем тебе помочь, Сейдж? – тихо спрашиваю я, чтобы не напугать её ещё сильнее.

– Мне нужно кое-что тебе отдать, – шёпотом отвечает она. Дрожащими руками она вынимает из складок плаща и протягивает мне длинную белую волшебную палочку с искусно вырезанной рукояткой. Заострённый конец белеет, как крылья птиц у нас над головой. Я невольно перевожу взгляд на руку Сейдж.

Тонкое девичье запястье исчерчено узкими кровавыми отметинами, будто от ударов хлыста.

– О Древнейший! Что с тобой сделали? – в ужасе всхлипываю я.

В глазах Сейдж мелькает отчаяние, но его тут же сменяет твёрдость. Её губы складываются в горькую усмешку.

– Я изменила обручению, – свистящим шёпотом отвечает она.

Конечно, я слышала, что за измену магическому обручению карают очень строго, но увидеть это своими глазами...

– Эллорен, – умоляет перепуганная Сейдж, настойчиво протягивая мне волшебную палочку. – Прошу тебя! У нас мало времени! Я пришла отдать её тебе. Она хочет оказаться в твоих руках.

– Как это – она хочет? – удивлённо переспрашиваю я. – Сейдж, откуда у тебя эта палочка?

– Возьми! – требует она. – В ней заключена особая сила. Она не должна достаться им!

– Кому?

– Гарднерийцам!

Я только недоверчиво вздыхаю:

– Сейдж, мы с тобой тоже гарднерийцы.

– Прошу тебя, – молит она. – Возьми!

– Ох, Сейдж, – качаю я головой. – Зачем мне палочка? Я не владею магией...

– Это не важно! Они хотят, чтобы палочка была у тебя! – Не унимается Сейдж, показывая куда-то вверх.

– Птицы?

– Это не просто птицы. Это стражи. Они приходят во времена великой тьмы.

Бессмыслица какая-то.

– Сейдж, пойдём к нам, – как можно мягче прошу я. – Расскажем всё дяде...

– Нет! – вскрикивает она, съёжившись и отступая на шаг. – Послушай меня! Палочка хочет к тебе в руки! Это Белый Жезл, Эллорен, – в отчаянии выпаливает она.

– Ох, Сейдж, это всё детские сказки, – с жалостью отвечаю я.

Каждый ребёнок в Гарднерии слышал притчу о борьбе Добра и Зла. Белый Жезл противостоит Тёмному. Белый, олицетворение сил добра, приходит на помощь угнетённым. В стародавние времена гарднерийцы шли с ним в битву против демонов, вооружённых Тёмным Жезлом.

– Это не сказка, – скрипнув зубами, яростно втолковывает мне Сейдж. – Это правда! Это настоящий Белый Жезл, тот самый!

Она поднимает палочку повыше и снова протягивает её мне.

Похоже, Сейдж лишилась рассудка. Нужно хоть немного её успокоить. Поддавшись на уговоры, я беру волшебную палочку в руки.

Светлая древесина, из которой вырезана рукоятка, удобно ложится в ладонь, и я осторожно прячу подарок в длинный узкий карман плаща.

Странно, я, кажется, впервые не вижу, из какого дерева сделана палочка. Сейдж с облегчением смотрит на меня, словно сбросила с плеч непосильную ношу.

Вдалеке, у самой кромки заброшенных земель, что-то мелькает. Двое всадников в чёрном появляются и пропадают, как видение. Может быть, там никого нет и это лишь игра теней в предутреннем сумраке. Я ищу взглядом белых птиц и дважды недоверчиво моргаю.

Птицы исчезли. Бесшумно. Крутанувшись на каблуках, я смотрю в небо. Птиц нигде нет.

– Они улетели, Эллорен. – Сейдж настороженно оглядывается, будто предчувствуя что-то плохое. Крепко схватив меня за руку, так, что ногти впиваются в кожу, она требует:

– Никому ничего не говори! Поклянись!

– Ладно, – соглашаюсь я, лишь бы утешить Сейдж. – Даю слово.

С глубоким вздохом она разжимает цепкие пальцы.

– Спасибо. Мне пора, – добавляет она, бросив взгляд в сторону моего дома.

– Подожди, – прошу я. – Останься. Как бы там ни было... Я тебе помогу.

Сейдж горестно смотрит мне в глаза, будто умиляясь моей наивности.

– Им нужен мой ребёнок, – срывающимся голосом произносит она. По щеке Сейдж катится прозрачная слезинка.

Ребёнок?

– Кому?

Вытирая глаза тыльной стороной дрожащей изуродованной руки, она снова показывает взглядом на мой дом.

– Им! Он нужен им!

Потом с болью оглядывается на родное поместье.

– Если бы они... если бы я могла объяснить родителям, что происходит на самом деле. Если бы они увидели... Но они верят, истово верят. – Сейдж переводит на меня мрачный взгляд. – Совет магов хочет его забрать, Эллорен. Они думают, что мой малыш несёт зло. За ним-то и приехала твоя тётя.

– Нет, что ты Сейдж! – пытаюсь я развеять её страхи. – Тётя уговаривает меня обручиться.

Однако Сейдж не слушает.

– Они заберут моего малыша. Мне надо бежать, прятаться.

Сейдж отводит взгляд, отчаянно пытаюсь успокоиться, и снова укачивает маленький свёрток, но ребёнка мне не показывает.

Я осторожно касаюсь её плеча.

– Тебе всё это привиделось, Сейдж. Малыша никто не тронет.

Окинув меня пылающим яростью взглядом, она трясёт головой как безумная.

– Прощай, Эллорен. – В её голосе ясно слышится жалость. – Удачи тебе.

– Подожди...

Сейдж уходит. Она направляется вдоль белого забора в сторону заброшенных земель. Я пытаюсь догнать её, но через забор мне не перебраться. Я протягиваю к ней руки, однако Сейдж шагает слишком быстро, и вот её тёмный плащ уже пропадает в предрассветных сумерках.

Деревья принимают Сейдж в вековую тьму, пряча от солнечных лучей. Утренняя мгла постепенно сменяется светлым днём.

Я безотчётно отыскиваю в складках плаща волшебную палочку, не надеясь её обнаружить. Может быть, я гуляла во сне, как лунатик, и встреча с Сейдж мне привиделась? Но пальцы нащупывают гладкую, прямую и очень даже настоящую волшебную палочку – подарок Сейдж.

Солнце поднимается всё выше. Я бегу домой. Мне нельзя терять ни минуты – надо обязательно поговорить с дядей Эдвином. Он всегда знает, что делать.

Обогнув рощицу, я с удивлением вижу на ступеньках нашего дома тётю Вивиан. Она следит за мной требовательным взглядом, её лицо напоминает непроницаемую маску.

При виде тёти на меня накатывает непонятный страх, и я тут же замедляю шаг, пытаюсь придать своему лицу безразличное выражение. Я просто выходила прогуляться на рассвете и теперь возвращаюсь домой. Вот только мысли кружатся в безумном хороводе, не давая сосредоточиться.

Что за ужасные отметины на руках Сейдж! А вдруг она права и Совет действительно намерен забрать её ребёнка...

Тётя Вивиан задумчиво смотрит на меня, склонив голову набок.

– Ты всё собрала? – спрашивает она, когда я подхожу ближе. – Мы скоро выезжаем.

Я смущённо стою перед ней. Тётя закрывает собой проход, мне её не обойти.

– Да, я готова. – Рука сама собой тянется к волшебной палочке в складках плаща.

Тётя бросает короткий взгляд в сторону поместья Гаффни.

– Ты ходила к Сейдж Гаффни? – Она говорит открыто, приглашая меня поделиться новостями.

Невероятно. Тёте известно, что Сейдж вернулась. Но откуда?

Не удержавшись, я оглядываюсь на пустые земли. Сердце гулко бьётся в груди.

Сейдж права. Тётя Вивиан приехала не только из-за меня. Она разыскивает Сейдж. Но тётя ведь ничего не сделает малышу. Или я ошибаюсь?

– Ничего страшного, Эллорен, – вздыхает тётя Вивиан. – Я знаю, что Сейдж вернулась, и понимаю, как тебе тяжело её видеть. Она... очень изменилась. Мы стараемся ей помочь, но... – Тётя грустно качает головой и заботливо спрашивает: – Как она?

– Очень испугана, – торопливо и немного сбивчиво отвечаю я. – У неё ребёнок. Она уверена, что Совет магов хочет забрать малыша.

Тётя Вивиан ничуть не удивлена. Она смотрит на меня тем особенным взглядом, которым взрослые предваряют рассказ о грустных, неприятных сторонах жизни.

– Совет магов возьмёт опеку над её ребёнком.

Я поражённо смотрю на неё, не в силах произнести ни слова.

Тётя Вивиан, словно утешая, кладёт руку мне на плечо.

– Малыш не такой, как все, Эллорен. Его нужно показать врачу, и не только.

– Что с ним? – выдыхаю я. В глубине души мне не хочется знать ответ на этот вопрос.

Тётя пристально смотрит мне в глаза, видимо не решаясь произнести что-то ужасное.

– Эллорен, – наконец печально говорит она. – У Сейдж родился икарит.

При этих словах я сжимаюсь от ужаса. Не может быть! Такое даже вообразить страшно. Принести в этот мир одного из Злых Крылатых – всё равно что дать жизнь демону! Так вот почему Сейдж не хотела показывать мне малыша.

Вдали слышится глухой стук копыт, среди холмов мелькает ещё одна карета со знаком Совета магов. Она катит в поместье Гаффни. Карету сопровождают верхом восемь солдат Гарднерии.

– Неужели ребёнку ничем нельзя помочь? – срывающимся шёпотом спрашиваю я, провожая взглядом карету и солдат.

– Совет сделает всё возможное, Эллорен, – уверяет меня тётя. – Врачи удалят несчастному ребёнку крылья, а верховный пастырь магов постарается спасти его душу. – Помолчав, тётя снова вопросительно смотрит на меня: – Что ещё сказала тебе Сейдж?

Какой простой вопрос... но мне отчего-то становится страшно. Сейдж и так натворила дел.

Она наверняка украла белую волшебную палочку. Это, конечно, не сказочный Белый Жезл, но палочка действительно не из дешёвых. Возможно, она принадлежала семье Тобиаса.

Я решаю подождать, пока всё уляжется, и потом найти способ вернуть палочку Тобиасу. Говорить о том, что Сейдж убежала в лес, я тоже не стану. Совет магов справится и без моей помощи.

– Больше ничего, – лгу я тёте. – Я всё рассказала.

Тётя одобрительно кивает.

– Что ж, хватит о Сейдж. Нам с тобой предстоит долгий путь.

Выдавив в ответ подобие улыбки, я тщательно, хотя и виновато, прячу тайну Сейдж глубоко в душе.

Глава 5. Шёлки

Всю дорогу я не свожу глаз с мелькающих за окном пейзажей. Поля и сады с фермерскими домиками сменяют буйные заросли лесов, один за другим карета минует несколько городков. Мы с тётей покачиваемся на мягких подушках, обшитых зелёным шёлком, и смотрим в окна по обе стороны кареты. С потолка свисает толстый багряный шнур с кисточкой, дёрнув за которой можно подать знак вознице.

Поглаживая дрожащими пальцами гладкие деревянные планки по краям сиденья, я немного успокаиваюсь – у меня перед глазами встаёт дерево, которое пошло на отделку кареты: его тонкие заострённые листья поблёскивают на солнце.

Звёздчатый клён!

Я дышу ровно и глубоко, мысленно разговариваю с деревом и постепенно прихожу в себя. Всё утро и большую часть дня тётя молча и терпеливо работает на раскладном столике с бумагами Совета магов.

Тётя Вивиан – первая и пока единственная женщина, удостоенная чести заседать в Совете магов. В Совет входят двенадцать гарднерийцев, не считая верховного мага. Туда избирают самых уважаемых граждан, могущественных жрецов, глав гильдий, вроде Уоррена Гаффни, стоящего во главе гильдии сельского хозяйства. Что касается тёти Вивиан, то в Совете у неё особое положение, потому что она – дочь прославленной Чёрной Ведьмы.

Тётя Вивиан точными движениями обмакивает перо в чернильнице и чётким, каллиграфическим почерком выводит на странице букву за буквой.

Взглянув на меня, она улыбается, дописывает страницу и убирает документ в чёрную кожаную папку с литерой «М». Потом крепит столик к стене, разглаживает юбку и обращается ко мне.

– Мы так давно с тобой не виделись, Эллорен, – любезно говорит она, – и не беседовали. Жаль, конечно, что твой дядя слишком долго откладывал принятие важных решений. Тебе, наверное, есть о чём меня спросить.

Я обдумываю тётины слова, но перед глазами у меня стоят изуродованные руки Сейдж. И это не даёт мне сосредоточиться.

– Когда я разговаривала с Сейдж... – неуверенно произношу я, – мне бросились в глаза её израненные руки. Её кисти и запястья покрыты страшными шрамами.

Тётю такое откровение явно застаёт врасплох. Глубоко вздохнув, она мрачно отвечает:

– Сейдж разорвала священное обручение и сбежала с кельтом.

Я вздрагиваю как от удара. Мои родители погибли от рук кельтов. Кельты веками мучили мой народ. Как могла добрая и милая Сейдж сбежать с кельтом?

Тётя сочувственно продолжает:

– Я понимаю, тебе тяжело это слышать, но магическое обручение – священный обряд, и если такой союз рушится, серьёзных последствий не избежать. – Заметив мой взволнованный взгляд, тётя уже мягче добавляет: – Рано отчаиваться, Эллорен. Надежда есть всегда. Тобиас готов простить Сейдж и принять её обратно, да и ребёнку можно помочь. Древнейший не держит зла на тех, кто искренне раскаивается и молит о прощении.

Перед глазами встаёт упрямое личико Сейдж. Не похоже, что она станет молить кого-то о прощении, особенно Тобиаса. Волшебную палочку, полученную от Сейдж, я хорошенько спрятала в подкладке дорожного сундука. По крайней мере, в краже белой палочки Сейдж точно не обвинят.

– Скажите, тётя, а обручение – это больно?

Тётя Вивиан смеётся и даже наклоняется, чтобы погладить меня по руке.

– Нет, Эллорен! Совсем не больно! Жрец соединяет руки жениха и невесты, проводит над ними волшебной палочкой и произносит несколько слов. Ты ничего не почувствуешь, но на руке останутся особые отметины. Ты уже видела такие!

Тётя показывает на свою руку, от пальцев до запястья увитую изящными тёмными спиралями.

Дядя не был женат, поэтому у него на руках нет таких знаков, однако руки большинства гарднерийцев действительно украшали рисунки. У каждой пары свой узор. Он зависит от их врождённой магической силы. Рисунки на руках тёти очень красивые, с чёткими, ровными линиями. Над ними оказались не властны ни время, ни смерть супруга тёти Вивиан – он погиб в Войне миров.

– Не дай встрече с Сейдж очернить в твоих глазах обряд обручения, – предупреждает тётя. – Помни: это настоящее таинство, призванный помочь нам сохранить чистоту и целомудрие. Соблазн Сил Зла велик, Эллорен. Магическое обручение удерживает юношей – таких, как ты, – на пути добродетели. Этот обряд отличает нас от рас еретиков. – Тётя умоляющим жестом протягивает ко мне руки ладонями вверх. – Вот поэтому я так настаиваю на твоём обручении. Пусть это будет достойный юноша, тот, кто придётся тебе по душе. Через несколько дней я устраиваю приём. Дай знать, если кто-то из гостей привлечёт твоё внимание, – с улыбкой заканчивает свою речь тётя.

От этих слов меня пробирает приятная дрожь.

А вдруг мне действительно кто-нибудь понравится? Что, если он пригласит меня танцевать? Или прогуляться по цветущему саду? В Галфиксе много свободных юношей, но ни с одним из них я не хотела бы обручиться. Часть пути я утопаю в мечтах о встрече с избранником в Валгарде.

От Галфикса до Валгарда ехать несколько дней, мы то и дело останавливаемся, чтобы сменить лошадей, размять ноги и переночевать. Тётя выбирает только лучшие гостиницы, где подают изумительный ужин, на столах красуются букеты свежих цветов, а на кроватях лежат мягкие пуховые перины.

Тётя подолгу рассказывает о приглашённых на приём, перечисляет достоинства юношей и их семьи. Не забывает она и о девушках – как свободных, так и обручённых. Она часто говорит о Маркусе Фогеле и о том, что надеется увидеть его верховным магом – самым главным из наших правителей. Сейчас этот пост занимает Альдус Уортин, но он уже стар и весной сложит полномочия.

О Маркусе Фогеле я слышала и раньше. О нём как-то упоминал Рейф в разговоре с дядей Эдвином. Дядя тогда на удивление резко высказался о Фогеле, назвав его «безумным фанатиком».

– Половина Совета пока поддерживает Финнеаса Каллнана, – отрывисто сообщает тётя. – Но Финнеас не годится на такой высокий пост. Он бесхребетное существо. Позабыл собственную веру и то, как наш народ оказался на краю гибели. – Тётя неодобрительно качает головой. – Дай ему волю – и мы снова станем рабами или полукровками. – Тут она снова умиротворяюще хлопывает меня по руке. Видимо, пытаюсь утешить. – Не переживай так, Эллорен. Выборы не раньше весны. С каждым днём Фогеля поддерживает всё больше гарднерийцев.

Иногда от слов тёти мне становится не по себе, но я всё больше и больше попадаю под её очарование. Да и ей приятно моё искреннее внимание и интерес. Путешествовать с тётей очень приятно. Она прекрасная собеседница, остроумная и любезная. О каждом знакомом она говорит так живо, что я без труда представляю его или её и наверняка узнаю при встрече.

С особенным восторгом тётя рассказывает о юноше по имени Лукас Грей. Он маг пятого уровня, восходящая звезда гарднерийской армии.

– Лукас – сын командующего гвардией, – говорит она, когда мы проезжаем по берегу Волтийского моря, переливающегося в лучах заходящего солнца. – Кроме того, он лучший выпускник университета.

– Что он изучал? – любопытно спрашиваю я.

– Военную историю и иностранные языки, – без промедления отвечает тётя.

По тому, как блестят её глаза при одном лишь упоминании о Лукасе, нетрудно догадаться, что именно с этим юношей она желала бы меня обручить. Я мысленно посмеиваюсь... Вряд ли такой разносторонне одарённый красавец посмотрит на девушку из Галфикса. Но слушать излияния тётушки весьма любопытно.

– Лукас окончил университет всего три года назад, однако уже заслужил чин лейтенанта, – радостно сообщает она. – Говорят, не пройдет и года, как он станет самым молодым военачальником в истории нашей гвардии.

Тётя без устали описывает Лукаса и прочих молодых людей. Время от времени я смотрю в окно и наслаждаюсь пейзажами. Дома в городах становятся всё выше, массивнее и располагаются всё ближе друг к другу. Вдоль дорог зажигают фонари, чтобы разогнать вечерние сумерки. Теперь мы едем медленнее – улицы запружены каретами и лошадьми. Обогнув холм, мы минуем подлесок, и вдруг перед нами открывается долина, в глубине которой и находится Валгард – столица Гарднерии.

Сияющий в предзакатном свете Валгард огибает бухту Мальторин подобно фибуле, изысканной полукруглой застёжке для плаща. Золотистые лучи заходящего солнца освещают океан, и кажется, будто он пылает, как костёр. На воде чёрными точками мелькают суда. Вдали, словно половинка длинной рыбьей кости, белеет пристань Валгарда.

Затаив дыхание я пытаюсь охватить взглядом эту картину: мерцающий в тусклых сумерках город, искорки фонарей, вспыхивающие во тьме, будто пробуждающиеся светлячки. Мы спускаемся в долину и вскоре въезжаем в столицу.

Я распахиваю окно кареты, чтобы получше разглядеть улицы.

Здания выстроены из тёмного, очень твёрдого хмелеграба – железного дерева. Широкие террасы вторых этажей опираются на изысканно украшенные резьбой эбеновые колонны. Изумрудные лозы с пышными листьями и цветами спускаются с крыш до земли.

Я закрываю глаза и с наслаждением вдыхаю аромат железного дерева. По старой традиции мы строим дома из твёрдых пород древесины, а с помощью орнаментов превращаем их в настоящие леса. Как гласят легенды, Древнейший создал нас из семян священного железного дерева, подарил нам власть над лесом и всеми его обитателями.

За окном в свете необычных фонарей, выставленных на улицу вместе с декоративными фруктовыми деревьями, мелькают столики таверны. Доносятся ароматы тушёной баранины, рыбы под нежным соусом, запечённого с приправами картофеля.

Под сливовым деревцем играют музыканты.

Я восхищённо поворачиваюсь к тёте. Мне ещё не доводилось слышать такой музыки.

– Это оркестр Валгарда?

– О небеса! Конечно нет, Эллорен! Это работники ресторана, – со смехом отвечает тётя Вивиан. – Хочешь, сходим на концерт симфонической музыки, пока ты в Валгарде?

– О да! – едва дыша отвечаю я.

В окне то и дело мелькают магазинчики, таверны и рынки. Я никогда не видела столько гарднерийцев вместе – их однообразные тёмные одежды придают им мрачный и одновременно элегантный вид, а на женщинах загадочно сверкают украшения. В священной книге сказано: нам предначертано носить тёмные цвета в память о пережитых страданиях под властью захватчиков. Но сейчас мне не хочется думать о грустном. Город невыразимо прекрасен. От волнения я едва дышу. Мне очень хочется слиться с этим городом, стать его частью. Но это едва

ли возможно – на мне простая домотканая одежда неопределённо-коричневого оттенка, и о прекрасных вышитых тёмных тканях как у горожан мне остаётся лишь мечтать.

Тем временем карета подсакивает на камнях и сворачивает на узкую улочку, где дома не так великолепны, окна магазинов недостаточно прозрачны, а фонари отбрасывают колеблющийся красноватый свет.

– Мы едем короткой дорогой, – поясняет тётя, просматривая важные бумаги при свете небольшого фонаря со светящимся камнем, который в темноте разгорается всё ярче.

Будто зачарованная, я не свожу глаз с необычного источника света. Эти эльфийские фонари стоят баснословных денег, поэтому встречаются нечасто, а те, что сделаны из золотистого камня, вообще редкость. Прежде я видела только зеленоватые светящиеся камни в фонарях возле усадьбы Гаффни.

Коротко вздохнув, тётя Вивиан опускает штору на ближайшем к ней окне кареты.

– Это не лучший район города, Эллорен, но так мы доедем гораздо быстрее. Закрой окно, там нет ничего интересного. Хоть бы эти трущобы поскорее снесли и на их месте построили новые кварталы.

подавшись вперёд, я пытаюсь закрыть окно и опустить штору, но вдруг карета останавливается. С тех пор как мы въехали в город, мы то и дело кого-то пропускаем или еле ползём по запруженным улицам.

За мгновение до того, как штора опускается, что-то с громким стуком врежется в окно снаружи. Белое крыло... Однако птица исчезает так быстро, что я не понимаю, была она здесь или это мне привиделось. Прижавшись к окну, я обшариваю взглядом небо.

«Это не просто птицы, это стражи!» – эхом звучат в памяти слова Сейдж.

И тут я вижу её... Это юная девушка. Она совсем близко, всего в нескольких шагах от меня.

Я никогда не видела более прекрасного создания. На ней простая белая рубашка, длинные серебристые волосы сверкают, как струи водопада под лучами солнца, а полупрозрачная кожа такая светлая, что кажется едва ли не голубой. У девушки стройная фигура, она сидит подогнув тонкие длинные ноги, а руками белее алебаstra опирается о землю.

Но притягательнее всего её глаза – огромные, серые, как бушующее море, в которых читается невыразимый ужас.

Девушка находится в клетке. В самой настоящей клетке, довольно тесной, где можно только сидеть, но не стоять. Клетка возвышается на деревянном столе. Рядом о чём-то беседуют двое мужчин, беззастенчиво разглядывая красавицу. С другой стороны мальчишки длинной заострённой веткой пытаются ткнуть пленницу сквозь прутья.

Однако девушка словно не видит и не слышит ничего вокруг. Её мятежный взгляд устремлён прямо на меня, не давая мне моргнуть или отвернуться. Каждая клеточка её тела будто кричит от страха. Меня отбрасывает в глубь кареты, а сердце заходится громким стуком.

Вцепившись в прутья клетки, пленница готовится закричать. У основания её шеи с обеих сторон появляются тонкие узкие отверстия, полуприкрытые набухшей кожей.

О Древнейший! Да у неё жабры!

От вопля девушки закладывает уши, звенит в голове. Не знаю, что она кричит, какие слова и что с её голосом, но понимаю одно – пленница молит меня о помощи.

Мужчины рядом с клеткой от неожиданности подпрыгивают, зажимают уши и раздражённо смотрят на девушку. Мальчишки, довольные, что заставили её так кричать, смеются и снова тянутся к красавице длинной палкой. Однако она по-прежнему никого не замечает. И всё так же не сводит с меня глаз.

Над магазином, возле которого стоит клетка, виднеется надпись – «Жемчужины океана». И тут карета рывком трогается с места, и девушка скрывается из виду.

– Тётя Вивиан! – не своим голосом в ужасе восклицаю я. – Там женщина! С жабрами! В клетке!

Не в силах успокоить колотящееся сердце, я дрожащей рукой показываю на окно кареты. Тётя с едва скрываемым отвращением бросает короткий взгляд в окно:

– Да, Эллорен, я слышала вой.

– Но как же... что же... – едва лепечу я.

– Это шелки, Эллорен, всего лишь шелки, – отрывисто бросает тётя, не горя желанием поддерживать разговор.

Сколько презрения в её голосе...

– Она сидела в клетке! – снова показываю я на окно, не в силах поверить увиденному.

– Всё не так просто, Эллорен, – ледяным тоном поясняет тётя Вивиан. – Мир куда сложнее, чем нам кажется, и тебе предстоит многому научиться, многое узнать. – Вглядевшись в моё взволнованное лицо, тётя снисходит до более подробного объяснения: – Шелки не люди, Эллорен. Эти существа лишь похожи на людей.

Необыкновенно человеческие, наполненные ужасом глаза девушки в белом намертво впечатались мне в память.

– Но кто же они? – всё ещё дрожа, спрашиваю я.

– Тюлени... и на редкость жестокие. – Тётя со вздохом откидывается на искусно вышитые подушки. – Давным-давно морская ведьма заколдовала народ шелки. В полнолуние они выплывают на берег, сбрасывают тюленью шкуру и превращаются в людей. Столетиями они наводят ужас на рыбаков, нападают на корабли, убивают матросов.

– Но девушка в клетке такая беспомощная...

– Это лишь видимость. Внешний вид обманчив. Под защитой шкур шелки сильнее самого могущественного мага. К тому же, как и большинство тюленей, они опасные дикие звери.

– А без шкур?

– Ты смотришь в самую суть, Эллорен, – довольно улыбается тётя. – В человеческом облике шелки очень уязвимы.

– Но почему?

– Они теряют силу и уже не могут снова превратиться в тюленей. Без шкур им закрыта дорога в океан. Это дикие животные, Эллорен. Сколько ни держи их на суше в облике людей, им отчаянно хочется в море. Шелки не люди. Они только похожи на людей. Не тревожься о них.

– А почему та девушка – в клетке?

Тётя морщится, будто от неприятного запаха.

– Некоторые держат их... как домашних животных.

Избегая встретиться со мной взглядом, она нетерпеливо поглядывает на окно.

– Она... ей было очень страшно, – не отстаю я.

– Что ж, животным в клетках, конечно, не сладко, – уже мягче отвечает тётя, похлопывая меня по руке. – Лично я против торговли шелки и жестокого обращения с ними. Я делаю всё, что в моих силах, чтобы избавить Гарднерию от этого позора.

От этих слов мне действительно становится легче.

– Есть множество способов достойно обращаться с шелки, не опускаясь до содержания их в клетках, не заставляя их вести себя... по-человечески, – задумчиво рассуждает тётя, вытянув руку и рассматривая свой безупречный маникюр.

Хорошо, если так. Братья бы меня поддержали. Они не выносят жестокого обращения с животными. Особенно Рейф. Он взрывается от одного вида диких зверей на цепи или в клетках.

– Значит, ты ей поможешь? – настойчиво спрашиваю я.

– Конечно, Эллорен, не беспокойся, – тётя нетерпеливо одёргивает манжеты. – Вот Маркус Фогель займёт пост верховного мага, и мы положим этому конец.

Наверное, тётини слова должны меня успокоить, но мне всё же не по себе.

– Знаешь, Эллен, я привезла тебя в Валгард не затем, чтобы обсуждать местную фауну, – пристально взглянув на меня, сообщает тётя. – Мы найдём множество более приятных тем для беседы.

Остаток пути тётя любезно показывает мне любимые магазины и лавки, рассказывает об исторических памятниках, но в ответ я лишь молча киваю. До самого приезда меня то и дело пробирает озноб, а перед глазами стоит образ перепуганной шелки.

Глава 6. Валгард

В сгустившихся сумерках, когда небо уже усыпано звёздами, карета въезжает во двор трёхэтажного дома тёти Вивиан. Высокие арочные окна сияют изнутри тёплым золотистым светом, лестница из тёмного дерева гостеприимно приглашает войти.

Вдоль изогнутой подъездной аллеи раскинулся великолепный сад. Железные деревья в цвету, от хрупких лепестков исходит мягкое серебристо-голубое сияние.

Карета медленно останавливается.

Нас встречают две служанки-уриски. Их прямые лиловые волосы заплетены в опрятные косы над остроконечными ушами, а нежно-лавандовый оттенок кожи выдаёт принадлежность к высшему обществу. Прежде я видела лишь белокожих урисков со светлыми, чуть розоватыми волосами и такими же глазами – они работали в поместье Гаффни. Те служанки происходили из низших слоёв этой расы. Из-за бледности их можно было спутать с альфсигрскими эльфами, но розоватый оттенок кожи и волос ясно указывал на происхождение. Тётины служанки одеты в идеально выглаженные и накрахмаленные белоснежные платья поверх длинных серых юбок. Лица этих женщин совершенно непроницаемы.

Я смущённо разглаживаю краешек своей грубой шерстяной туники. Здесь даже прислуга одета лучше меня! Запрокинув голову, я восхищённо оглядываю высокий дом и тихонько вздрагиваю, ощущая себя маленькой и неприметной рядом с таким великолепием.

Дом тёти Вивиан похож на многие другие строения в Валгарде – ступенчатое сооружение из железного дерева, более широкие второй и третий этажи опираются на резные колонны, крыша уставлена декоративными деревцами в кадках, а вдоль стен до самой земли свисают завитки плюща.

Дом напоминает гигантское дерево.

Из окон открывается великолепный вид на океан и бухту Мальторин с одной стороны и на мерцающий ночными огнями Валгард – с другой.

Здесь очень красиво.

Тётя стремительно поднимается по лестнице к двери, которую распахивают перед ней ещё двое слуг-урисков, а я, едва сдерживая нетерпение, спешу следом.

Тётя Вивиан держится так элегантно, с таким достоинством, что я невольно выпрямляю спину и ускоряю шаг, чтобы не отстать. Интересно, как тётя ухитряется так ритмично постукивать тонкими высокими каблуками, скрывающимися под длинными юбками?

Надень я что-то подобное, сразу покатила бы кубарем по лестнице.

На мне удобные прочные ботинки, в которых хорошо работать в саду и ухаживать за скотиной. Однако, глядя на тётю, я тешу себя надеждой когда-нибудь примерить лёгкие, изящные туфельки, как у неё.

Мы ненадолго останавливаемся в восхитительном вестибюле. На столиках благоухают алые розы, пол выложен причудливыми узорами из чёрного и зелёного камня, прозрачные стёкла двустворчатых дверей украшены рисунком вьющихся растений.

Какая роскошь!

Тётя Вивиан просматривает письма на серебряном подносе.

– Прости, Элорен, я тебя ненадолго оставлю, – пробежав острым взглядом какие-то бумаги, говорит тётя. – Фениллин проводит тебя в комнату, а потом мы поужинаем. – Тётя обращается ко мне, ожидая ответа.

– Да, конечно, – отвечаю я, широко улыбаясь, стремясь заслужить расположение тётушки. – Здесь так... так красиво, – сбивчиво добавляю я.

Тётя Вивиан безразлично кивает, будто утратив ко мне всякий интерес, и, постукивая каблучками, уходит в сопровождении трёх служанок-урисок. Одна из женщин остаётся со мной – вероятно, это и есть Фениллин.

Внезапная холодность тёти отдаётся болью в моей душе.

Интересно, будь у меня способности к магии, со мной обходились бы по-другому? При этой мысли я коротко вздыхаю. По дороге из Галфикса тётя не раз разочарованно намекала, как ей жаль, что от знаменитой бабушки мне досталась в наследство лишь внешность. «Ничего, – утешаю я себя. – Тётя выбрала меня и привезла в столицу – это большая честь».

Следуя за прямой, как палка, Фениллин по длинному коридору, вдоль которого выстроились декоративные деревья в кадках, я выхожу в огромный зал и замираю, поражённая открывшимся видом.

Парадная лестница уходит ввысь, огибая тёмную скульптуру дерева в натуральную величину. Чугунные решётки, вьющиеся цветущими лозами и пышными листьями, обрамляют полукруглые площадки балконов на втором и третьем этажах.

Я торопливо догоняю Фениллин и иду вслед за ней по лестнице, восхищённо разглядывая искусно вырезанные листья и ветки и поглаживая их ребристую поверхность.

Речной дуб.

Залитое солнцем дерево тут же возникает у меня перед глазами. Я вижу даже мох, покрывающий толстые сучья.

Не говоря ни слова, я следую за Фениллин на балкон третьего этажа. Там служанка останавливается перед широкими дверями и распахивает их.

Я осторожно заглядываю внутрь и поражённо моргаю.

В дровяной печи бушует пламя, наполняя комнату теплом. Напротив расположилась кровать с алым балдахином. Очищенные от коры дрова сложены у стены, от коротких полешек исходит приятный аромат пчелиного воска. Высокий куполообразный потолок расписан звёздами, будто ночное небо. Стоит переступить порог, как меня со всех сторон окутывает приятное тепло.

Всё готово: дрова порублены, печь растоплена...

Прямо передо мной в свете лампы и очага искрятся золотом отделанные хрустальными панелями двери.

Я ненадолго останавливаюсь, чтобы погладить золотистые кисти, которыми украшен балдахин, восхищённо рассматриваю деревья, искусно вышитые на алом покрывале.

За дверьми – восьмиугольная комната. Это солярий. Сквозь его прозрачные стены виден океан, а через стеклянный потолок заглядывают звёзды.

Посреди солярия на полу играют с клубком два белоснежных котёнка с небесно-голубыми глазами, очень похожие на мою Изабель.

Я зачарованно беру одного из котят на руки, и он тихо мурлычет, выпуская крохотные острые коготки. Другой малыш всё так же весело гоняет клубок.

– Это вам, маг Гарднер, – с вежливой улыбкой сообщает Фениллин. Служанка высокая, стройная, её лучистые глаза сияют, как аметисты, а в причёске проглядывает тонкая седая прядь. – Маг Деймон сочла, что вы, вероятно, станете скучать по вашей кошке.

В моей груди разливается тепло благодарности. Тётушка вспомнила даже о кошке! Как мило с её стороны.

Со счастливой улыбкой я поворачиваюсь к Фениллин, прижимая к груди котёнка, пушистая голова которого щекочет мне шею.

– Зови меня Эллорен.

Лицо служанки застывает будто маска.

– Благодарю вас, маг Гарднер, но это будет проявлением неуважения. – Отвесив церемонный поклон, Фениллин просит: – Позвольте мне обращаться к вам как принято, с упоминанием титула.

Как странно слышать речь на всеобщем языке от служанки-уриски. И ещё более странно её уважительное отношение ко мне. А ведь эта женщина, пожалуй, старше тётки Вивиан. Некоторое время я смотрю на служанку в замешательстве.

– Конечно, как вам удобнее, – сдаюсь я, и Фениллин с облегчением улыбается.

– Если вам что-то понадобится, маг Гарднер, позовите меня. – Служанка показывает на золотистую верёвку с кисточкой на конце, прикреплённую возле двери. – Я скоро вернусь и провожу вас в столовую.

– Спасибо.

Она бесшумно уходит, а я, потрясённая великолепием комнаты, делаю глубокий вздох.

Устроив котят в корзине, я выхожу на балкон и подставляю лицо поцелуям солёного океанского бриза. Каменный балкон огибаёт комнату со стеклянными стенами, с моря доносится шорох бьющихся о тёмные скалы волн. Перегнувшись через перила, я заглядываю на террасу второго этажа, где слуги как раз накрывают на стол.

Видимо, там мы с тёткой будем ужинать. Всё готово. Не надо стоять у плиты. Не надо мыть посуду.

Я всей грудью вдыхаю свежий солёный воздух.

К такой жизни легко привыкнуть!

Вернувшись в комнату, я пробегаю пальцем по корешкам книг из небольшого встроенного в стену шкафа. Это книги о лекарствах и целебных травах.

Невероятно! Здесь целая библиотека. Для меня!

С дороги тётка Вивиан отправила с почтовым ястребом письмо о нашем скором прибытии, но всё же удивительно, сколько всего тщательно подготовили лично для меня за каких-то два дня!

Сняв с полки книгу, я листаю страницы. Новый кожаный переплёт поддаётся неохотно. Растения нарисованы и раскрашены вручную. Они так похожи на настоящие, что кажется, я сейчас вдохну их терпкий аромат.

Быть может, тётка позволит мне взять некоторые из этих книг в университет – они бы мне оченьгодились! Зеркало туалетного столика у кровати украшено стеклянными розами тонкой работы. Здесь меня поджидают гребни, щётка для волос и новенькие флакончики духов с красивыми распылителями.

Сколько вокруг изысканных вещей! В Галфиксе, в доме, где властвовали мужчины, у меня не было ничего подобного.

Пшикнув наугад распылителем одной из бутылочек, я принимаюсь.

Ммм... Ваниль и розы.

Когда туманное облачко рассеивается, я замечаю небольшое углубление в стене, аккуратную нишу. Там стоят две мраморные статуэтки.

Я по очереди беру в руки тяжёлые холодные фигурки и узнаю в мраморной женщине свою бабушку. Вот она ведёт за собой гарднерийских детей, улыбается в ответ на их восхищённые взгляды, её волшебная палочка в ножнах, на поясе. Подняв статуэтку, я медленно провожу пальцем по острым скулам и тонкому носу.

Это моё лицо. Или удивительно похожее на моё.

Вторая статуэтка изображает бабушку в воинственной позе: тонкая волшебная палочка направлена вперёд, волосы развеваются за спиной, у ног скорчился побеждённый демон-икарит.

Икарит... с крыльями как у ребёнка Сейдж.

В тепле великолепной спальни, рядом с пушистыми котятками и ароматом духов воспоминание об икаритах ранит сильнее, чем обычно. Нахмуриль брови, я замираю. Хочется убрать статуэтку подальше, в тёмный угол шкафа, и никогда её не видеть.

Отбросив горькие мысли, я умываюсь и готовлюсь к ужину с тётёй.

– Тебе понравились комнаты, Эллен?

Встречая меня у накрытого на террасе стола, тётя Вивиан вся сияет. Фениллин, коротко поклонившись, уходит.

– Спасибо, тётя Вивиан! Никогда не видела ничего подобного, – признаюсь я, бросая восхищённый взгляд на океан.

– Что ж, всё это принадлежит тебе по праву рождения, – улыбается тётя. – Эдвин слишком долго скрывал от тебя радости жизни. Садись. Наслаждайся видом, – приглашает она.

Я с радостью опускаюсь на стул напротив тётки. Каменный пол покрыт тёмно-зелёным ковром. Фонари заливают террасу мягким светом, золотистыми искорками отражаясь в тонкой фарфоровой посуде.

Передо мной ужин – сочные ломтики фазана с цитрусовым соусом и кусочками лимона, дикий рис с сушёными фруктами и орехами, сладкая морковь. От свежего хлеба поднимается пар. Рядом – тарелка с фигурно нарезанным сливочным маслом, графин мятной воды и корзина с фруктами. На маленьком столике у стены стоит фарфоровый чайник с чаем, пирожные и букет алых роз в хрустальной вазе.

Возле чайного столика застыла молодая служанка-уриска с голубоватой кожей и ясными сапфировыми глазами. Она безразлично смотрит прямо перед собой. Уриска так неподвижна, что её можно принять за статую.

Тётя Вивиан подносит к губам стакан с мятной водой и пристально разглядывает меня.

Мне очень хочется произвести хорошее впечатление, и я выпрямляюсь на стуле, скромно складываю руки на коленях, пытаюсь скопировать позу тётки. Может, я и одета похуже служанок, но вести себя достойно умею.

– Завтра ты отправишься к лучшей портнихе Валгарда и закажешь себе новый гардероб, – с лёгкой улыбкой сообщает тётя. – Одежда пригодится тебе и в университете.

Да она читает мои мысли! Меня переполняет благодарность. У нас никогда не хватало денег на красивую одежду. Тёплая волна поднимается от шеи к щекам, и я краснею.

– Большое спасибо, тётя Вивиан.

– К сожалению, я не смогу составить тебе компанию. – Тётя отставляет бокал и принимается за фазана. – Неотложные дела в Совете магов. Ты поедешь с тремя девушками. Они тоже скоро направляются в университет.

– Да?

С волнением предвкушая встречу с тремя будущими однокурсницами, я кладу в рот ломтик фазана. Нежное мясо в кисло-сладком пряном соусе тает на языке.

– Пейдж Сноуден и Экко Флад тебе очень понравятся, тут у меня нет сомнений, – с улыбкой продолжает тётя, изысканно отдавая должное еде и время от времени промокая губы салфеткой. – Их отцы заседают в Совете магов. И Пейдж и Экко – очень милые девушки. Вежливые и добродетельные.

Однако... тётя упоминала о трёх сопровождающих. Может, я не расслышала?

– А третья?

Тётя Вивиан поджимает губы, её лицо мрачнеет, глаза холодно поблёскивают.

– Третья – Фэллон Бэйн. С ней ты вряд ли найдёшь общий язык.

Широко раскрыв глаза, я удивлённо спрашиваю:

– Но тогда... зачем?

– Её отец, Малкин Бэйн, командующий армией. В Совете к нему прислушиваются. Кроме того, он маг пятого уровня.

Тётя говорит очень серьёзно, и я понимающе киваю, одновременно протягивая руку за тёплым свежим хлебом.

Маги пятого уровня встречаются очень редко. Потому-то мой шестнадцатилетний братец Тристан – тоже маг пятого уровня – уже полноправный член гильдии оружейников.

– Все дети Малкина Бэйна – маги пятого уровня, – с особым значением произносит тётя. Я замираю с хлебом в одной руке и ножом для масла – в другой.

– И дочь тоже?

– Фэллон Бэйн – маг пятого уровня, – медленно кивает тётя. – Так же как её братья.

Тётя молчит, давая мне осознать услышанное.

– Женщина? Одарена такой волшебной силой? – недоверчиво выдыхаю я.

Пятый уровень почти всегда достаётся только мужчинам. В истории известна лишь одна женщина-маг такой силы – моя бабушка.

– Эта сила по праву принадлежит нашему роду, – горько отвечает тётя. – Особенно если учесть, как ты похожа на мою мать. – Тётя хмуро качает головой. – Даже Тристан сильно отстаёт от Фэллон Бэйн. Он столько упустил, так поздно начал учёбу... и всё из-за твоего дяди. – Тётя смотрит мне прямо в глаза и раздражённо произносит: – Фэллон всего восемнадцать лет, но она уже достигла пределов пятого уровня. Она идёт по стопам твоей бабушки, Эллорен.

– Значит, она следующая Чёрная Ведьма! – наконец снисходит на меня озарение.

Глаза тёти Вивиан угрожающе темнеют.

– Нет! Ни за что не поверю! Этот титул перейдёт к одному из твоих детей. Или к одному из детей Тристана. Только не к Фэллон Бэйн. Эта сила – наследие нашего рода. И только нашего. Хоть Фэллон и её семейка и любят выставлять себя напоказ и прикидываться, будто они истинные наследники титула.

Я вопросительно поднимаю брови.

– Но если она не Чёрная Ведьма... если она так опасна и к тому же не нравится вам, то зачем мне ехать с ней к портнихе?

Звучит до странности абсурдно и почти смешно.

Тётя Вивиан наклоняется ко мне через стол и притально смотрит в глаза, словно стараясь придать своим словам особый смысл:

– Она поедет с тобой, Эллорен, потому что всегда лучше знать, с кем имеешь дело.

– Не понимаю...

– Фэллон сходит с ума по Лукасу Грею, – прищурившись, сообщает тётя.

Опять этот Лукас...

– Значит, он... за ней ухаживает?

– Нет. – Ответ тёти звучит подобно удару хлыста. – Ничего подобного. Насколько мне известно, Лукасу девчонка даже не нравится. Хоть она и смотрит на него как голодный зверь, – с отвращением добавляет тётя.

Кажется, я понимаю, куда клонит тётя, и от волнения у меня на щеках разгорается румянец. Всё дело в Лукасе. Тётя Вивиан готова на всё, лишь бы он достался мне. А не Фэллон Бэйн.

– Вы предлагаете мне поближе познакомиться с Фэллон Бэйн, чтобы понять, чего от неё ждать? – недоверчиво спрашиваю я.

Тётя лукаво смотрит на меня:

– Это прекрасная возможность, Эллорен. Не упusti её!

От беспокойства я едва могу спокойно сидеть. Что, если этот Лукас Грей мне даже не понравится? А что, если...

Опустив нож и хлеб на стол, я отвечаю тёте Вивиан, честно глядя ей в глаза:

– Тётя Вивиан, вы так обо мне заботитесь. Мне не хочется вас разочаровывать... – У меня по спине неприятно ползут мурашки. Как жаль терять расположение тёти... Мне так не хватает мамы или просто женщины, которая заменила бы её, указала мне путь... Но сейчас врать никак

нельзя. – Я не умею общаться с молодыми людьми. Я просто не смогу вот так... броситься как в омут с головой и... понравиться Лукасу Грею или кому-то ещё, – сбивчиво объясняю я, одновременно удивляясь, как это тёте удаётся так красиво вплетать в причёску тонкие косы. Вот бы мне так! – Я даже не умею укладывать волосы! Или пользоваться косметикой! Или... я ничего не умею...

Будь жива мама...

Тётя Вивиан нежно похлопывает меня по руке и улыбается доброй материнской улыбкой.

– Тебе и не надо ничего уметь, дорогая моя. – Она ласково сжимает мою ладонь. – Теперь ты под моим крылом. А это очень хорошее место. Так что осматривайся, наслаждайся жизнью и следуй моим советам.

Смущённо улыбнувшись, я сжимаю в ответ прохладную руку тёти Вивиан.

Глава 7. Фэллон Бэйн

- Ты с ним целовалась?
- Что, простите?
- Ты целовалась с Гаретом Килером?

На меня смотрят три пары глаз – те самые студентки университета, которых тётя Вивиан выбрала мне на сегодня в спутницы. Они с нетерпением ждут моего ответа. Ответа на самый неприличный вопрос, который мне приходилось слышать.

В Галфиксе не принято спрашивать подобное. В замешательстве я машинально отодвигаюсь от девушек подальше.

Раннее утро, мой первый день в Валгарде. Мы едем к лучшей портнихе Гарднерии в карете тётя Вивиан. Нас сопровождают двенадцать вооружённых солдат-магов высших уровней.

Двенадцать!

Они оберегают Фэллон Бэйн – следующую Чёрную Ведьму. Может, тётя и не верит в особые силы Фэллон, однако, судя по нашему эскорту, большинство гарднерийцев с ней не согласны.

Фэллон – очень необычная девушка. Я с такими ещё не встречалась. Она красивая, у неё пухлые губы, вьющиеся чёрные волосы до талии и большие, сияющие, как изумруды, глаза. Однако всем своим видом она бросает вызов правилам. Например, на ней форма военного стажёра, переделанная для женщины: тёмно-серая удлинённая шёлковая блузка, надетая поверх серой юбки вместо брюк, а на груди, у самого сердца, вышита серебристая сфера Эртии. На рукавах униформы пять серебряных полосок – знаки отличия мага пятого уровня. По-хозяйски расположившись на подушках кареты, Фэллон беззастенчиво меня разглядывает.

Вопросы тоже задаёт она, каждый сопровождая ехидной ухмылкой. Моё замешательство, такое явное благодаря заливающему щёки румянцу, её очень забавляет.

- Почему вы спрашиваете о Гарете? – задаю я встречный вопрос.
- Твоя тётя говорит, ты его знаешь.
- Да, мы знакомы, – честно отвечаю я. – Мы друзья.

Весело переглянувшись с Экко и Пейдж, Фэллон снова устремляет на меня зелёные глаза:

- А ты его шевелюру хорошо разглядела?

Этим вопросом Фэллон мгновенно заставляет меня напрячься. Очень неприятная девушка.

- У него чёрные волосы.

Фэллон расплывается в самодовольной улыбке:

– Так... с Гаретом ты не целовалась... а с кем-нибудь другим? Ты вообще когда-нибудь целовалась?

Я из последних сил удерживаю на лице нейтрально-вежливое выражение, не подавая вида, как неприятны мне эти назойливые вопросы.

- Конечно нет! Я же не обручена.

И не имею привычки бросаться на шею молодым людям, не то что некоторые.

Хитрый взгляд, которым Фэллон награждает Экко, только укрепляет мою неприязнь. Снова повернувшись ко мне, она снисходительно поучает:

- Здесь тебе не захоlustье, Эллорен. У нас с парнями целуются – и ничего.

Презрительно скривив губы, Экко вдруг подаёт голос:

– Некоторые ещё помнят, что такое добродетель, – с осуждением говорит она. – Даже в Валгарде.

Пренебрежительно фыркнув, Фэллон в раздражении закатывает глаза, будто приглашая меня в свидетели, как старую знакомую.

Теперь на меня уставилась Экко. Оценивающий взгляд её по-совиному серьёзных глаз будто пронзает меня насквозь. Эта девушка одета как самые религиозные гарднерийцы. На ней длинное чёрное платье на плотной подкладке, с очень высоким воротником, на шее серебряная цепочка с кулоном – шариком Эртии, в волосах совсем нет украшений, пряди разделены ровным, как ниточка, пробором.

Заметив неприязненные взгляды, которыми обмениваются Фэллон и Экко, Пейдж подбадривает меня доброй улыбкой. Это единственная действительно милая девушка из всей троицы. Вьющиеся чёрные волосы Пейдж, выбиваясь из инкрустированного драгоценными камнями головного убора, прелестным облачком окружают её круглощёкое румяное личико.

Фэллон тут же замечает счастливое выражение лица Пейдж.

– А вот Пейдж уже целовалась, – заявляет она недобро.

– Ну... ммм... – заикается Пейдж, опуская глаза на руки с тёмными узорами. – Я обручена.

– Она обручена с тринадцати лет, – шепчет мне Фэллон, как будто раскрывая тайну.

– Неужели? – удивлённо переспрашиваю я. Обручиться в тринадцать лет – это ужасно рано. Но потом я вспоминаю Сейдж... ей тоже было тринадцать, когда она обручилась.

– Я... я обручена с братом Фэллон. Его зовут Сайлус, – бормочет Пейдж. По её виду не скажешь, что она безмерно счастлива от этого.

Фэллон с притворной пылкостью обнимает Пейдж за плечи:

– Мы станем сёстрами, настоящими сёстрами!

Пейдж отвечает неуверенным взглядом и дрожащей кривой улыбкой.

– А ты давно обручена? – кивнув на исчерченные полосами руки Экко, спрашиваю я.

– Пять лет. С Бэзилем Дорном, – не сводя с меня серьёзного взгляда отвечает Экко.

Я стараюсь понять, как она относится к обручению, но прочесть мысли Экко невозможно.

Она скрывает чувства, как статуя.

Руки Фэллон чисты – на них нет знаков.

– А ты... не обручена.

Фэллон отвечает непритворно враждебным взглядом.

– Пока нет, – с вызовом бросает она.

– Фэллон нравится Лукас Грей, – нервно хихикает Пейдж, но под взглядом Фэллон её улыбка исчезает. – Ну... то есть... тебе же и правда нравится Лукас.

Я вспоминаю восхищённые рассказы тётушки о Лукасе и о том, как она мечтает обручить меня именно с ним. Удивительно, неужели тётя и вправду полагает, что мне удастся обойти Фэллон Бэйн?

– Он такой симпатичный, очень-очень, – восторгается Пейдж. – Его отец – командующий всей гвардией магов! У Лукаса очень влиятельная семья, а сам он – маг пятого уровня!

Фэллон не сводит с меня изумрудно-зелёных глаз. Её лицо сияет, будто она выиграла главный приз.

– Когда у вас с Лукасом обручение? – спрашиваю я Фэллон.

На её лице тут же застывает улыбка, и, прищурившись, она отвечает:

– Скоро. Очень скоро.

В её голосе ясно слышится предупреждение: «Держись подальше от Лукаса. Он мой».

Интересно... похоже, Фэллон сомневается в своих силах. Знает ли она о смехотворных планах тёти Вивиан заполучить Лукаса для меня? Похоже, тётушкин приём обещает быть очень интересным – ведь там я увижу таинственного Лукаса Грея. На поясе Фэллон длинным шипом торчит волшебная палочка.

– Говорят, ты одарена большой магической силой, – киваю я на палочку, дабы поддержать разговор.

– Есть немного, – обнажив зубы в ухмылке, соглашается Фэллон.

Судя по недоверчивым взглядам, которые бросают на неё Экко и Пейдж, Фэллон сильно преуменьшает свои возможности.

– Я никогда не видела волшебство в действии, – сообщаю я.

Кошачья улыбка Фэллон становится ещё шире.

– Тебе совсем не досталось магии? – всё с тем же ликованием на лице уточняет она.

В ответ я лишь качаю головой.

Плавным искусным движением Фэллон вынимает из ножен волшебную палочку и тихо произносит заклинание.

От неожиданного треска мы с Экко и Пейдж впечатываемся в спинки диванов, а из кончика волшебной палочки Фэллон вырываются ярко-голубые искры. Странный звук пронимает меня до костей, а когда пламя вдруг стягивается в мерцающий шар, вращающийся с ритмичным шелестом вокруг своей оси на самом кончике волшебной палочки, я восхищённо вздыхаю. От этого звука хочется спрятаться, зажать уши. В карете быстро становится холодно, на окнах расцветают ледяные узоры, нас заливают сапфировый свет.

– Перестань, Фэллон, – раздражённо требует Эк-ко. – Ты нас до смерти заморозишь!

Презрительно усмехнувшись, Фэллон выполняет просьбу. Она снова бормочет странные слова, и ледяной шар превращается в клуб белого пара, взрывается облаком холодного тумана и тает в воздухе.

Торжествуя улыбаясь, Фэллон откидывается на спинку дивана.

– Вот здорово! – выдыхаю я, нервно сглатывая и сдерживая дрожь.

– Это пустяки, – восхищённо отвечает Пейдж. – Она ещё столько всего может! Фэллон – маг пятого уровня, одна из лучших в гвардии!

– Вы с Лукасом Греем отлично подходите друг другу, – примирительно обращаюсь я к Фэллон в надежде, что она вычеркнет меня из списка возможных соперниц.

Тётю Вивиан ожидает страшное разочарование. Никакого обручения с Лукасом Греем не будет. Или не миновать мне страшного гнева могущественной Фэллон Бэйн.

Похоже, Фэллон мои слова пришлись по вкусу. Она одобрительно кивает, возвращает волшебную палочку в ножны и откидывается на спинку дивана.

Экко с осуждением смотрит на подругу, а потом переводит взгляд на мои лишённые всяких знаков руки.

– Не понимаю... почему ты до сих пор не обручена? – нахмурившись, спрашивает она.

– Дядя решил подождать, когда я повзростлею, – отвечаю я. Непримиримый тон Экко всё больше действует мне на нервы. Фэллон, судя по всему, моя ровесница, и она тоже не обручена.

– О, у тебя впереди столько интересного! – завистливо восклицает Пейдж, и на её лице появляется мечтательное выражение. – Танцы, приёмы... и первый поцелуй!

– Ты уже с кем-нибудь познакомилась? Тебе кто-нибудь понравился? – запускает пробный шар Фэллон, наверняка задаваясь вопросом, стану ли я соперничать с ней за Лукаса.

– Нет, – качаю я головой. – В Галфиксе мы живём тихо, никого не видим. А в Валгард я приехала только вчера.

Фэллон рассматривает меня с вновь вспыхнувшим интересом.

– Ты когда-нибудь общалась с другими мужчинами... не с гарднерийцами?

Нахмурившись, я готовлюсь отбивать удары в адрес моего скромного воспитания в глуши.

– О чём ты? – осторожно уточняю я.

– Ты разговаривала с кельтскими мальчишками? – коротко усмехнувшись, поясняет Фэллон. – Или с эльфами? А... с ликанами?

– Неужели в университете есть ликаны?! – изумлённо воззрившись на Фэллон, восклицаю я. Это же опасно! Ликаны – жестокие оборотни, они умеют превращаться в волков. Эти существа сильнее самого могущественного гарднерийского мага. Кроме того, наше волшебство против ликанов бессильно!

– Есть, как же без них, – мрачно отвечает Экко.

– Невероятно, – недоумённо качаю я головой. – Не может быть!

Но потом вспоминаю слова тёти Вивиан, её недовольство политикой университета, куда принимают представителей всех рас, даже икаритов!

Пейдж беспокоится покусывает нижнюю губу, её глаза сейчас напоминают блюдца.

Фэллон с явным удовольствием наклоняется ко мне и шепчет:

– А ты знаешь, что ликаны никогда не женятся? Они просто хватают ту, которая им нравится, и спариваются с ней в лесу!

– Как животные, – с негодованием встречает Экко.

– Да что вы? Правда? – Я не верю своим ушам. Это возмутительно. И очень неприятно.

– Говорят, – продолжает Фэллон зловещим шёпотом, – что иногда они хватают девушек, тащат их в лес и спариваются с ними... в обличье волков!

Пейдж в ужасе хватается ртом воздух, прикрывшись ладошкой.

– А это разве возможно? – в ужасе лепечу я.

Фэллон со смехом откидывается на подушки.

– Смотри не связывайся с ликанами!

– Они не всегда спариваются в лесу, – поглаживая шарик на цепочке, мрачно сообщает Экко.

Пейдж съёживается в углу – откровения Экко ей явно не по душе, а Фэллон ликующе смотрит на меня, предвкушая неизбежные вопросы.

Я только молча моргаю. В жизни не слышала ничего подобного! Однако меня невольно охватывает жуткое любопытство.

– Где же... ммм... где они... – Я беспомощно взмахиваю руками, не в силах закончить вопрос.

Экко как будто даже одобряет моё нежелание называть всё своими словами. Наклонившись ко мне, она тихо говорит:

– Мой отец служил посланцем у ликанов. Ездил в их земли, видел, как они живут. Однажды я подслушала, как он рассказывал матери, что когда ликаны достигают совершеннолетия, то собирается вся их стая, так они называют свои общины, и повзрослевшие юноши, стоя перед всеми, выбирают себе девушку и делают это прямо там, при всех, даже при детях.

Моё лицо пылает. Таких гадостей мне слышать не приходилось.

– А разве не... опасно учиться в университете рядом с ликанами? – удивлённо спрашиваю я.

– Их всего двое, – пренебрежительно отмахивается Фэллон. – Брат и сестра. Близнецы.

Уф, оказывается, всё не так страшно. Всего двое ликанов. Что они могут вдвоём!

– А что эльфы? – снова спрашиваю я. Братья говорили, что почти четверть студентов в университете – эльфы. – Какие они?

– Полная противоположность ликанам, – тряхнув головой, отвечает Фэллон. – Невыносимо чопорные. Ханжи! – презрительно фыркает она. – Не знаю, как они вообще умудряются заводить детей. Эльфы просто невероятно оберегают своих женщин. Если юноша другой расы дотронется до эльфийки хоть пальцем...

– Можно подумать, они кому-то нужны, – с издёвкой вставляет Экко.

– А по-моему, эльфийки очень красивые, – застенчиво признаётся Пейдж. Фэллон бросает на неё короткий предостерегающий взгляд. – Да! Красивые! – настаивает Пейдж. – У них

такие изящные заострённые ушки! И белые волосы, и белые одежды... мы – в чёрном, они – в белом...

– Они – наша полная противоположность! – обрывает её Экко и смотрит на меня. – Они поклоняются идолам.

– Эльфы наши союзники, – бесстрастно роняю я.

– Пока... – пригвоздив меня взглядом, отвечает Фэллон.

Какой интересный поворот!

– А что кельты? – спрашиваю я Экко. – Какие у них парни?

Фэллон только пренебрежительно фыркает, а Экко мрачно смотрит на меня, сжимая шарик Эртии.

– В крови кельтов намешано столько грязи... от фей, урисков... даже от икаритов, – наконец отвечает Экко и снова умолкает, давая мне осознать сказанное.

Как тут не вспомнить малыша-икарита на руках Сейдж! Тогда, при встрече, она была так напугана, измучена... Кельт. Отец её ребёнка – кельт. Они познакомились в университете.

– Священник Фогель говорит, что кельты отбракованы, они больше не могут стоять в ряду Первых Людей, рядом с нами, – настойчиво продолжает Экко. – Они тайно поклоняются Силам Зла, как уриски и язычники пустынь.

– Опасайся женщин-урисок, – попутно предупреждает Фэллон. – Выглядят-то они безобидно, но обожают охотиться на наших парней.

Об этом частенько разглагольствует Уоррен Гаффни. Дело в том, что у урисок не осталось своих мужчин. Они все погибли в Войне миров, пали от рук гарднерийцев.

Мужчины расы урисков – сильные геоманты, они подчиняют себе ужасные, разрушительные силы камней – как обычных булыжников, так и изумрудов. Рядом с такими соседями нашим предкам было неуютно. А вот женщины-уриски магией не владеют. Им разрешено временно жить и работать в Гарднерии.

Вообще, страшно представить себе уничтожение всех мальчиков-урисков. Мне так и не удалось поговорить об этих событиях с дядей Эдвином. Едва услышав расспросы о тех днях, он мрачнел и замыкался в себе. Он не ответил даже, когда я не выдержала его молчания и разрыдалась.

Военачальники некогда сильных урисков однажды напали на Гарднерию, стремясь стереть наш народ с лица земли, но я всё же считаю, что побеждённых захватчиков потом наказали слишком жестоко.

– Уриски-полукровки могут похвастать лишь крупными волшебной силы. И это ещё в лучшем случае, – вздыхает Экко.

Пейдж согласно кивает, а Фэллон делает вид, что ничего не слышит. Она не сводит с меня глаз, и под этим тяжёлым взглядом у меня по спине бегут мурашки. Мне она не нравится...

– Ты поосторожней с метисами, – ехидно усмехается Фэллон. Опять намёк на Гарета с его серебристыми прядями в чёрных волосах. Погладив большим пальцем волшебную палочку, она предостерегающе мурлычет: – Везде эти полукровки... Смотри не зевай.

Глава 8. Тиснёный шёлк

– Встаньте прямо. Да, вот так...

Я дрожу от смущения, а маг Элоиза Флорель – владелица модного ателье – деловито измеряет мне талию. Это властная коренастая женщина лет шестидесяти, облачённая в длинное чёрное платье великолепного покроя. Седые волосы портнихи заплетены в косу и уложены в строгий пучок. Она обводит меня пристальным взглядом ясных зелёных глаз, дабы не упустить ни малейшей детали.

Я стою на небольшом возвышении посреди примерочной на глазах у Фэллон, Экко и Пейдж в одном нижнем белье!

– Прекрасно. Теперь поднимите руки вверх...

И маг Флорель туго обхватывает меня мерной тесьмой под грудью, по груди и ещё раз – чуть выше. Больше всего мне хочется провалиться сквозь землю. Молчаливая девушка-уриска, моя ровесница, с непроницаемым лицом записывает результаты измерений на листке пергамента. Фэллон устраивает целый спектакль: заглядывает помощнице портнихи через плечо и шепчет что-то Пейдж и Экко, прикрыв губы ладонью. Я знаю: речь о моих мерках, и от этих мыслей к щекам приливает жаркая волна смущения.

Пытаясь отвлечься, я оглядываю комнату. Повсюду, от пола до потолка, выстроились бесчётные рулоны роскошных, искусно вышитых тканей. Мне и в голову не приходило, что чёрная материя может быть такой разной – от цвета крошечной тьмы до самых тёмных оттенков серого, от блестящего шёлка, в который можно смотреться, как в зеркало, до матового бархата.

– Прелестная фигурка, – роняет маг Флорель, взглядом профессионала оценивая мою грудь. – Жаль, что вы прятали её под этой так называемой одеждой. – Портниха ногой отгаликивает мои вещи, сваленные в кучу на полу.

Моё лицо пылает всё сильнее, но теперь к смущению примешивается удовольствие от комплимента. Да и Фэллон, услышав похвалу портнихи, сидит с кислым видом, что меня ничуть не огорчает.

Я всегда знала, что фигура у меня ничего, но никто и никогда не восхищался мною при посторонних. Дома меня видели только дядя и братья, но даже при них я носила длинные закрытые платья, скрывающие фигуру от шеи до пят. Видны оставались лишь кисти рук, да иногда случайно оголялись щиколотки. Когда я выросла из детских платьиц, то стала шить себе сама.

Наконец, к моему невероятному облегчению, пытка заканчивается, и маг Флорель позволяет мне одеться, а сама диктует девушке-уриске указания.

Уриска такая красивая – глаз не отвести! Она похожа на горничных в доме тёти Вивиан: кожа лавандового цвета, заострённые уши и изумительные глаза, мерцающие всеми оттенками аметиста. Фиолетовые волосы заплетены в длинную косу, а одета она в простую льняную тунику до пят и белую нижнюю юбку.

В голове проносятся воспоминания об урисках в поместье Гаффни. Его работницы всегда казались мне очень странными: они говорили на своём языке и исчезали, переделав самую тяжёлую сезонную работу. Все они были высохшие, морщинистые, всегда перепачканные землёй. Не сравнить с прелестной помощницей портнихи.

Уриска отдаёт пергамент хозяйке, и портниха, прищурившись, рассматривает записи сквозь очки-полумесяцы, которые до сих пор лежали у неё на груди, прикрепленные к длинной, унизированной жемчугом цепочке.

– Хорошо, Спэрроу, – одобительно кивает она. – Позови Эффри.

Грациозно поклонившись, Спэрроу уходит. Спустя всего несколько секунд в комнату врывается другая уриска – худенькая, встрёпанная, с тёмно-фиолетовой кожей – и резко останавливается перед портнихой. Следом идёт Спэрроу. Худышке лет восемь, не больше.

Смерив малышку взглядом, маг Флорель отправляет её за тканью. Вскоре девочка возвращается с двумя рулонами, развернувшийся шёлк тянется за ней по полу. В одном рулоне ткань чёрная, словно эбеновое дерево, с золотистыми нитями, в другом – синева-чёрная, матовая. Свёртки тяжёлые, девочка явно выбилась из сил.

Маг Флорель встречает её недовольным вздохом:

– Эффри, я просила тиснёный шёлк! Понимаешь, тиснёный!

Девочка в ужасе таращит огромные глаза.

– Ладно, не плачь, – утешает готовую разрыдаться уриску портниха. – Принеси альбомы с образцами тканей. Они гораздо легче, чем рулоны.

Крошка Эффри убегает, стремясь исправить ошибку.

Маг Флорель поворачивается к нам, в смятении покачивая головой.

– Прошу прощения, – извиняется она. – Эффри у нас недавно. Её невероятно трудно учить. Она просто не умеет слушать.

Поглаживая свёрнутый в рулон бархат, Фэллон презрительно фыркает:

– Не умеет слушать... С такими-то большими ушами!

Вздвигнув, я поворачиваюсь к Фэллон. Маг Флорель, Экко и Пейдж тоже не скрывают удивления.

Фэллон отвечает нам скептическим взглядом, а в примерочную тем временем нетвёрдыми шагами возвращается Эффри. Девочка пыхтя тащит толстый альбом, между страницами которого виднеются лоскутки ткани. Коротко усмехнувшись, Фэллон взмахом руки указывает на уриску.

– Вы только посмотрите на неё – это же летучая мышь-переросток!

Эффри спотыкается и застывает на месте. Она поднимает взгляд на Фэллон, её губы дрожат, складываясь в горькую гримаску, кончики ушей безвольно опускаются. Спэрроу выглядывает из-за спины Фэллон и серьёзно смотрит на Эффри, словно напоминая о чём-то очень важном. Малышка тут же опускает глаза.

– Эй, девчонка! – преувеличенно грозно рявкает Фэллон, повелительно щёлкая пальцами, и девочка в страхе снова поднимает голову. – Показывай, что там у тебя.

Малышка, почтительно склонив голову, дрожащими руками протягивает Фэллон альбом.

– Спасибо, – мягко благодарю я, пытаюсь успокоить крошку. Потом возмущённо смотрю на Фэллон. Что за радость так унижать ребёнка?!

Маг Флорель в свою очередь бросает на Фэллон исполненный боли взгляд и отсылает Эффри. В уважительном отношении портнихи к Фэллон нет ничего удивительного. В конце концов, эту девушку считают преемницей Чёрной Ведьмы.

Устроив альбом с образцами тканей на высокой подставке, Фэллон листает страницы. Она медленно разглядывает ткани, заставляя остальных ждать. Наконец она находит что-то интересное.

– Смотри, Эллен, – притворно ласково произносит Фэллон, поднимая лоскут ткани.

У неё в руке грубая плотная шерсть, даже хуже, чем та дерюга, из которой сшита моя одежда.

– Тебе пойдёт, – сияя улыбкой, продолжает Фэллон. – Из этого получится отличное праздничное платье. Пейдж, что скажешь?

Пейдж озабоченно хмурится, глядя на Фэллон, а потом, бросив на меня неуверенный взгляд, выдавливает:

– Ну... не знаю... может, что и получится...

Не понимаю. Фэллон шутит? Наверняка.

– Мне кажется, вечерние платья шьют из других тканей, – вежливо протестую я. Фэллон насмешливо таращит глаза, будто обидевшись.

– Ну что ты... это гортийская шерсть. Последний писк моды! – убеждает она меня, лукаво поглядывая на Экко и Пейдж.

Не давая мне ответить, Фэллон захлопывает книгу и передаёт её вместе с лоскутком шерсти портнихе.

– Сшейте праздничное платье Эллорен из этого материала, – говорит она так, словно окончательное решение принято. – Да и весь остальной гардероб тоже.

В моей душе поднимается непреодолимая волна отвращения, сердце бьётся в груди, словно пойманная птица.

– Подождите, – оторвав взгляд от волшебной палочки на поясе Фэллон, обращаюсь я к портнихе. – Я сама посмотрю образцы.

Сладкая улыбка Фэллон превращается в язвительную гримасу.

– Не трать время, Эллорен, – говорит она, обводя рукой комнату. – Все ткани чёрные.

– И всё же выбирать я буду сама, – встретившись взглядом с Фэллон, настаиваю я. В комнате так тихо, что, упав булавка, мы все услышим.

Фэллон испытующе смотрит на меня, и я как могу сопротивляюсь силе её взгляда. Глаза Фэллон завораживают. В зрачках чередуются тонкие тёмно-зелёные и светло-зелёные полосы. Светлые полосы – почти белые. Они похожи на льдинки. Острые как копыя.

Немного поколебавшись, маг Флорель опускает книгу с образцами на подставку рядом со мной.

– Конечно, маг Гарднер, – говорит она, с опаской оглянувшись на Фэллон. – Выбирайте.

Под ледяным взглядом Фэллон я листаю страницы. На мгновение мой взгляд останавливается на лилово-чёрном кусочке мягкого, будто детские кудри, бархата.

– Какая прелесть! – переходя к следующему образцу, восклицаю я, почти забывая о Фэллон. И вот я уже держу в руке чёрный шёлк с красным и жёлтым отливами. – Изумительно! – Не в силах оторваться, я при свете настенной лампы кручу во все стороны лоскут удивительной ткани.

Маг Флорель довольно кивает.

– Ишкартанское золотое плетение, – поясняет она, забирая у меня шёлк и нежно расправляя его на ладони. – Эту ткань привозят из Восточной пустыни. Очень редкая работа, тонкое огненное плетение.

Опустив глаза, я задумчиво провожу рукой по коричневой шерсти, из которой сшита моя одежда. Сопоставлять вышитый шёлк и толстую шерсть – это всё равно что сравнивать скрипку, созданную великим мастером, с грубой подделкой недоучки.

– У вас прекрасный вкус, маг Гарднер.

Перевернув ещё несколько страниц, я снова замираю. Шёлк цвета полночной тьмы. Если приглядеться повнимательнее, на ткани проступает тончайшая вышитая вязь. Стоит её рассмотреть – и...

– Какая красота, – изумлённо выдыхаю я.

– Салишеновый шёлк, – благоговейно поясняет маг Флорель. – Его привозят с Салишеновых островов. Салиши – искусные ткачи. Истинные художники. Все их вышивки бесподобны.

– Как вы думаете, можно мне сшить что-нибудь из этого шёлка?

– Конечно, маг Гарднер! – радостно восклицает портниха.

Фэллон решительно опускает руку на открытую страницу.

– Нет, нельзя, – настойчиво говорит она.

– Почему? – удивляюсь я.

– Потому что из этой ткани уже шьют платье мне, – снисходительно поясняет она.

– Жаль, – вздыхает маг Флорель, сочувственно похлопывая меня по плечу. – Не расстраивайтесь, маг Гарднер. У нас столько красивых тканей... Мы подберём вам что-нибудь другое, ничуть не хуже...

С бешено бьющимся сердцем я тоже кладу руку на лоскут ткани в альбоме и отвечаю, глядя Фэллон прямо в глаза:

– Нет. Я хочу платье из этого шёлка.

Все смотрят на меня, будто не веря собственным ушам.

Подавшись вперёд и обнажив зубы, Фэллон цедит:

– Нет. Не выйдет.

Моя рука подрагивает, но я не сдаюсь.

– Ну что ты так разволновалась, – умиротворяюще говорю я, обводя рукой примерочную и копируя насмешливый тон Фэллон. – Посмотри, здесь все ткани чёрные. А фасон платья наверняка будет другим. – Взглянув в округлившись от удивления глаза портнихи, я спрашиваю: – Маг Флорель, вы ведь сошьёте мне платье, непохожее на то, что будет на Фэллон?

– Моё платье шьют не здесь, – презрительно выплёвывает упрямица. – У меня другая портниха.

– Ну вот. Так даже проще, – улыбаюсь я. – Маг Флорель, вы успеете сшить мне платье из этой ткани?

Портниха оценивающе смотрит на меня, то и дело поглядывая на Фэллон, как будто решает, стоит ли ввязываться в наш спор. Наконец, гордо выпрямившись, она отвечает:

– Конечно успею. – И с холодной улыбкой обращается к Фэллон: – Милая, опишите мне фасон вашего платья, и я одену маг Гарднер совсем по-другому.

Получается, маг Флорель на моей стороне! Фэллон же улыбается так ехидно, что от неё хочется отойти подальше. Она отдёргивает руку, довольная, что я вздрагиваю от неожиданности.

– Я ухожу, – объявляет Фэллон, сверля меня злыми глазами.

Экко и Пейдж подбегают к подруге и уговаривают её остаться.

Отвернувшись от девушек, я листаю страницы, едва различая образцы тканей. Я знаю, что лучше было бы промолчать, но Фэллон так гадко обошлась с девочкой-уриской...

– Не надо, Фэллон, всё устроится, – безмятежно говорю я, намеренно не отрывая глаз от альбома. – Может быть, тебе сшить другое платье? Из гортийской шерсти. Говорят, эта ткань – последний писк моды!

Выпрямившись, я натываюсь на взгляд Фэллон, исполненный неприкрытой враждебности. Она тут же отворачивается, крепко сжимая в руке волшебную палочку, и уходит, громко хлопнув напоследок дверью.

Краем глаза я вижу Спэрроу – её губы на мгновение складываются в довольную улыбку.

Глава 9. Чёрная Ведьма

– Ты так похожа на Карниссу Гарднер! Просто само совершенство, – восхищается Пейдж. Я стою перед высоким зеркалом, из которого на меня смотрит незнакомка. Мы в доме тёти Вивиан, в моей роскошной спальне. Хрустальные двери и окна в стеклянной комнате распахнуты, в ночной тьме шелестит листьями деревьев тёплый океанский бриз, на кровати возятся пушистые котята. С той памятной поездки к портнихе мы ещё несколько раз встречались с Пейдж: дважды обедали в городе в компании тёти Вивиан и ещё раз вместе покупали туфли. Пейдж нравится мне куда больше, чем Экко или Фэллон.

Вот уже целый час маг Флорель меня одевает, причёсывает и пудрит, а тётя Вивиан стоит рядом, сложив руки на груди и отдаёт приказания с уверенностью опытного художника, который надзирает за созданием важнейшего произведения всей своей жизни. И теперь мне кажется, что в зеркале отражаюсь не я, а какая-то незнакомая девушка.

Вечно спутанные тёмные пряди моих волос, которые я не знала, как укротить, лежат на плечах, искусно заплетённые в косы, а накрашенные глаза кажутся огромными и таинственными. Тщательно выщипанные брови только усиливают этот эффект. Губы вдруг стали алыми и полными, скулы подчёркнуты румянами. Удивительное дело – острые, угловатые черты лица смягчились, я выгляжу уверенно и элегантно. В ушах и на шее красуются оправленные в золото изумруды, а платье, которое сшила маг Флорель...

Не знаю, как описать это великолепие... Тончайшая вышивка на ткани появляется и исчезает с каждым движением, длинное, до пола, мерцающее платье нежно облегает плечи, расширяясь книзу.

Карнисса Гарднер считалась непревзойдённой красавицей. Враги прозвали её Чёрной Ведьмой – она действительно являлась одним из сильнейших магов Гарднерии всех времён. Удивительная и необыкновенно умная женщина, она прекрасно играла на музыкальных инструментах и бесстрашно вела на битву наши войска. Вот такая у меня была бабушка.

А я не просто похожа на неё. Я её точная копия.

– О да! – довольно вздыхает тётя Вивиан. – Прекрасно. Спасибо, Элоиза. Пожалуй, мы закончили. – Тётя встаёт и улыбается мне: – Эллорен, я жду тебя внизу через час. Пейдж тебя проводит. – Обернувшись к Пейдж, тётя продолжает отдавать указания: – Спускайтесь в зал по главной лестнице. Устроим Эллорен торжественный выход.

Ещё раз окинув меня испытующим взглядом, тётя уходит, по-дружески разговаривая с портнихой.

А я так и стою перед зеркалом, словно поражённая громом.

– Представляю, как ты гордишься своей бабушкой, – серьёзно говорит Пейдж. – Она была великая женщина. И судьба поведёт тебя по её стопам, Эллорен. Зачем бы иначе Древнейшему одаривать тебя её обликом. Вот подожди... скоро все тебя увидят!

Я следую за Пейдж по извилистым коридорам. Навстречу нам лишь изредка попадаются горничные-уриски. Они куда-то спешат и не обращают на нас ни малейшего внимания.

Наконец мы выходим на верхнюю площадку огромной лестницы с изящными перилами из вишнёвого дерева, и у меня перехватывает дыхание. Я застываю на месте, охватывая взглядом грандиозный круглый зал внизу.

Перед нами, словно море, колышется толпа важных гарднерийцев в чёрных одеждах. Примерно половина присутствующих – в военной форме, у большинства – нашивки, свидетельствующие об их принадлежности к старшим чинам. Кое-где мелькают плащи с серебряной отделкой – атрибут сильных магов.

Сначала в нашу сторону бросают лишь несколько любопытных взглядов. Потом кто-то шумно выдыхает, и в толпе воцаряется тишина.

Я молча оглядываю зал, чуть щурясь от яркого света огромной потолочной люстры – сотни свечей сияют на серебристых резных ветках берёзы среди хрустальных подвесок в форме листьев, наполняющих зал таинственными отблесками.

В самом центре зала я вдруг замечаю высокую фигуру. Это худощавый мужчина в длинной тёмной тунике, какие носят жрецы. На его груди белый знак – птица. Он моложе, чем большинство известных мне жрецов. У него правильные, немного резкие черты лица, прямые чёрные волосы зачёсаны назад, приоткрывая высокий лоб, и ниспадают на плечи. Яркие зелёные глаза смотрят пристально и живо, будто от них исходит внутренний свет.

Жрец смотрит на меня так, будто мы с ним давно знакомы и встретились после долгой разлуки. От этого взгляда хочется скрыться... поскорее и подальше.

Перед глазами вдруг возникает обгоревший ствол дерева... Чёрные обугленные ветви стремятся к высокому бескрайнему небу.

Страшный образ затягивает в пустоту отчаяния, и я хватаюсь за перила балкона, чтобы не упасть.

Дерево ещё раз вспыхивает где-то на границе сознания, а потом исчезает.

Прищурившись, я глубоко вздыхаю. Наверняка показалось. Это лишь игра света и тени.

С бешено колотящимся сердцем я снова отыскиваю в толпе жреца. Он по-прежнему смотрит на меня, как на давнюю знакомую. Рядом с ним стоит тётя Вивиан в великолепном чёрном платье, усыпанном сапфирами. Элегантным взмахом руки тётя зовёт нас присоединиться к гостям.

Пейдж кладёт руку мне на плечо и мягко, ободряюще напоминает:

– Пора, Эллорен.

Не зная, куда деваться от смущения, я машинально переставляю ноги и спускаюсь по ступенькам, покрытым мягким ковром, который, к счастью, не даёт мне поскользнуться. Вишнёвое дерево блестящих перил дарит мне капельку силы, помогает успокоиться.

Вот лестница заканчивается, толпа в изумлении расступается, и я оказываюсь прямо перед молодым жрецом. И снова вижу чёрные ветви мёртвого дерева. Я быстро, встревоженно моргаю, и призрак тает.

Что-то здесь не так. Мне вдруг кажется, что я стою на опушке дремучего леса, а где-то во тьме, за деревьями, прячется волк. Однако все вокруг уверены, что беспокоиться не о чем.

Я встречаюсь с властным взглядом жреца.

– Эллорен, – сияя улыбкой, тётя представляет мне гостя. – Познакомься, это Маркус Фогель. Мы вместе заседаем в Совете магов. Возможно, Маркус – наш следующий верховный маг. Пастырь Фогель, позвольте представить вам Эллорен Гарднер, мою племянницу.

Маркус Фогель с какой-то змеиной грацией берёт мою руку и склоняется над ней в поцелуе. От любопытства его зелёные глаза сияют ещё ярче.

Мне очень хочется отодвинуться хоть на шаг, но, собрав все силы, я остаюсь на месте.

Как странно... кожа у Фогеля тёплая, почти горячая. А его зелёные глаза будто проникают мне в душу, видят ещё не померкший образ чёрного мёртвого дерева.

– Эллорен Гарднер, – проникновенно и неожиданно гортанным голосом произносит он. Этот вкрадчивый голос... и пронизательный взгляд... глубоко внутри у меня загорается жаркая искорка, будто предупреждая о незваном госте. Мне остаётся только изо всех сил сопротивляться.

Фогель ненадолго опускает веки и, глубоко вздохнув, улыбается.

– В твоей крови – её сила. – Он внимательно рассматривает мою руку, водит пальцем по ладони. От его прикосновений меня бросает в дрожь. Фогель снова смотрит мне в глаза и тихо, будто напевая колыбельную, спрашивает: – Ты чувствуешь её силу?

– Нет, – смущённо сознаюсь я, пытаюсь вырвать руку из его цепких пальцев. Однако Фогель держит крепко.

– Её проверяли? Она владеет магией? – тягуче выговаривая слова, обращается он к тётё Вивиан.

– Эллорен проверяли много раз. Она не наделена волшебной силой.

– Вы уверены? – Теперь настойчивый взгляд немигающих глаз устремлён на тётю Вивиан. И моя всегда уверенная в себе, непоколебимая тётушка заметно падает духом.

– Я не могу не верить собственному брату. Он ещё раз проверил способности Эллорен совсем недавно – в прошлом году.

Я с удивлением смотрю на тётю. В прошлом году меня никто не проверял. В последний раз мне давали подержать волшебную палочку, когда я была совсем маленькой.

Получается, дядя Эдвин солгал? Но зачем?

Фогель снова буравит меня своим тёмным, непреклонным взглядом, и я внутренне отшатаюсь от него, едва держась, чтобы не выдать охватившую меня панику.

Почему рядом с этим человеком мне не по себе? Ведь тётя Вивиан и прочие маги боготворят землю, по которой он ступает?

Фогель отпускает мою руку, и я несколько раз сжимаю и разжимаю пальцы, будто стряхивая воспоминание о неприятных прикосновениях.

– Очень жаль, – печально произносит он, и тянется погладить меня по щеке тонкими, как у художника, пальцами. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не увернуться от прикосновения. Склонив голову к плечу, он вопросительно оглядывает меня и глубоко вздыхает, будто приютившаяся. – И всё же... в ней есть что-то от Карниссы. Её сила.

– О да! – восхищённо подтверждает тётя. – Эллорен действительно унаследовала некоторые черты моей матери.

И тётушка Вивиан гордо пускается в пространные рассуждения о моих музыкальных способностях, о том, как легко меня приняли в университет.

Фогель едва слушает тётини дифирамбы. Он рассматривает мои руки.

– Ты не обручена, – снова обращается он ко мне. Какие простые и безжалостные слова...

Где-то в глубине моей души поднимается горячая волна раздражения, и, взглянув Фогелю прямо в глаза, я отвечаю:

– Как и вы.

– Помилуй, дитя неразумное! Что ты говоришь?! – встречает ещё один член Совета, с золотой литерой «М» на груди. – Маг Фогель – пастырь! Жрец! Конечно, он не обручён. – Осуждающе покачивая головой, непрошенный собеседник нервно посмеивается, но Фогель не достаивает его даже взгляда.

– Нужно обручить её с достойным гарднерийцем, – не сводя с меня глаз, говорит Фогель тётушке.

– Непременно, – уверяет его она.

– С достаточно сильным магом, – быстро обернувшись к тётё, уточняет жрец.

– Конечно, Маркус, – заговорщически улыбается тётя. – Я позабочусь о племяннице.

– Она уже познакомилась с Лукасом Греем?

Тётя Вивиан шепчет что-то Фогелю на ухо, шелестя жёсткими нижними юбками. Стоящие рядом непринуждённо разбиваются на пары и обмениваются любезными фразами.

Я почти ничего не слышу, взгляд Маркуса Фогеля будто гипнотизирует меня.

От дверей доносится весёлый смех – пришли ещё гости, да какие шумные!

В зал вливается Фэллон Бэйн в окружении целой когорты симпатичных военных стажёров в тёмно-серой форме, здесь же её неизменная охрана и ещё несколько офицеров в чёрных мундирах. Рядом вертятся миловидные девушки.

Однако Фэллон затмевает всех.

Если у неё и было платье из той ткани, что выбрала себе я, надела она совсем другое. Великолепный, невероятно смелый бальный наряд – ткань скорее лиловая, отливающая чёрным, нежели чёрная с лиловым оттенком. Офицеры рядом с Фэллон очень похожи на неё – те же черты лица, изумительно яркие глаза и ехидные ухмылки на губах. Скорее всего, это братья Фэллон. Один чуть выше ростом, в чёрном как ночь мундире, на другом форма стажёра. У обоих на рукавах по пять серебряных нашивок.

Фэллон мгновенно находит меня в толпе взглядом. Она поднимает руку, будто поддразнивая, и посылает в воздух спираль разноцветного дыма. Гости восхищённо вздыхают, все взгляды устремлены только на Фэллон. Стоящие рядом с тётёй военачальники в чёрных мундирах не сводят с красавицы глаз, но выражение их лиц не назовёшь беззаботным. Они явно насторожились. Стажёрам запрещается произносить заклинания без особого разрешения – за такой проступок могут и выгнать из гвардии.

Пожилой военный подаёт знак другому офицеру, мол, не обращай внимания. У меня идёт кругом голова. Получается, Фэллон Бэйн не только наделена исключительной силой. Ей, похоже, и закон не писан.

Ещё один взмах волшебной палочки – и разноцветный дым рассыпается радужными искорками. Зрители смеются и аплодируют.

Фэллон медленно убирает палочку в ножны на поясе, наводит на меня прищуренный взгляд изумрудных глаз и что-то мурлычет брату в чёрном мундире так, чтобы слышала вся её свита. Юноши удивлённо переглядываются, а потом по очереди смотрят на меня, за улыбками едва скрывая отвращение.

Я стою, от напряжения поджав пальцы на ногах, сердце падает куда-то в пустоту. Остаётся только гадать, какие мерзости рассказывает Фэллон обо мне своим приспешникам.

Глава 10. Пророчество

Тётушка кивком отпускает нас. Пейдж тут же хватается за меня под руку и тащит в сторону, к великолепно украшенным дверям, за которыми открывается бальный зал. Играет оркестр, прекрасная музыка звучит всё громче и громче, заполняя всё вокруг.

По залу прогуливаются гости, явно состоятельные гарднерийцы, несколько пар кружатся под музыку. Заметив меня, многие потрясённо ахают, улыбаются и подходят выразить признательность моей «замечательной семье». Служанки-уриски в накрахмаленных белоснежных платьях предлагают угощения на золочёных подносах, наполняют желающим тарелки у длинных столов, уставленных изысканными блюдами. В вазах рядом с изящными подсвечниками благоухают алые розы.

Пейдж направляется сквозь толпу к столам, но, заметив у дверей бального зала Фэллон с военным эскортом, заметно вздрагивает и, прихватив две тарелки с засахаренными фруктами, тянет меня в дальний угол, где мы устраиваемся в тени огромного папоротника.

– Кто это рядом с Фэллон? Сайлус? – спрашиваю я, забирая у Пейдж свою тарелку.

Пейдж хмуро грызёт сладкий крыжовник.

– Да, это он.

Принимаясь за вишни в сахаре, я отвечаю ей полным сочувствия взглядом. Вот невезение. Если Сайлус Бэйн хоть немного похож на сестру, худшей пары для доброй и отзывчивой Пейдж не придумаешь.

Оглядывая зал, я с удивлением вижу знакомые лица и спешу поделиться открытием с Пейдж, которая липкими от сахара пальцами отправляет в рот ягоду за ягодой.

– Смотри, там родители Сейдж Гаффни, – шепчу я. Они ещё не вошли в бальный зал и стоят в просторном вестибюле, как всегда в строгих, мрачных одеждах. На их лицах застыли суровые, печальные маски. К чете Гаффни то и дело подходят знакомые, грустно их обнимают, выражая соболезнования. В противоположном конце зала, под другим пышным папоротником, молча, угрюмо оглядывая толпу, застыл Шейн, старший брат Сейдж. На нём чёрный мундир военного.

Коснувшись моей руки, Пейдж осторожно предупреждает:

– Эллен, её имя нельзя произносить вслух. И тебе лучше не подходить к твоим знакомым. Случилось нечто слишком ужасное...

– Да знаю я... всё знаю, – прерываю я подругу. – Но... Почему нельзя произносить её имя?

С трудом сглотнув, Пейдж бросает на Гаффни опасливый взгляд.

– Потому что её изгнали, объявили вне закона.

– Изгнали? – Раскрыв рот, я в ужасе застываю. Изгнать гарднерийца – всё равно что похоронить его, лишить жизни. Так поступают только с самыми опасными преступниками, чтобы стереть память об их существовании и восстановить честь семьи и чистоту крови. – Как же так... тётя говорила, что Совет поможет Сейдж.

Снова взглянув на Гаффни, Пейдж пожимает плечами:

– Наверное, Сейдж не приняла их помощи.

Я прекрасно помню нашу последнюю встречу. Тогда она вела себя как сумасшедшая. Это и понятно. Кто угодно сойдёт с ума, родив икарита. Но ещё я вдруг вспоминаю, как давным-давно, когда я была совсем маленькой, Сейдж плела мне венки из лент и полевых цветов, как разрешала гладить маленьких овец в поместье Гаффни. А потом, спустя несколько лет, именно Сейдж учила меня шить и украшать одежду сложной вышивкой. Мы часто сидели под раскидистым дубом на полпути между нашим домиком и поместьем её родителей и вышивали

цветы железного дерева на блузках и юбках. Меня всегда восхищали нежная грация Сейдж и её удивительная способность придумывать изысканные узоры.

– Пойду поздороваюсь с её братом, – оставив тарелку на краю стола, объявляю я.

Пейдж вздрагивает. Ей хотелось бы сейчас оказаться подальше от Гаффни и всего этого кошмара наяву, однако остановить меня она не пытается.

Шейн так крепко сжимает хрустальный бокал, как будто раздумывает, в кого бы им швырнуть. Старший брат Сейдж ниже ростом, чем большинство офицеров в зале, но сложен как настоящий борец. Казалось, он состоит сплошь из мышц и ярости, которые преобразуются в ступок энергии.

– Шейн, – негромко обращаюсь к нему я, – мне сказали... о Сейдж.

Его лицо искажает гримаса боли.

– А тебе не сказали, что её имя теперь нельзя произносить? – Показав бокалом на родителей, он с отвращением роняет: – Смотри, вот накажут тебя, объявят изгоем...

– Что с ней? Как она? – беспокожно оглянувшись на чету Гаффни, спрашиваю я.

– Я ничего не знаю, Эллен, – мрачно отвечает Шейн. – Даже не знаю, где она. Никто не знает. А младшие сёстры сбежали с ней.

От этих слов мне становится трудно дышать. Ещё и сёстры! Перед глазами встаёт фигурка Сейдж в предутреннем тумане посреди безлюдного леса, и меня пронзает острое чувство вины. О Древнейший! Ну почему я тогда ничего не сказала...

– В погоню за ними отправили весь Пятый дивизион, однако никого не нашли, – растерянно качает головой Шейн. – девчонки будто в воду канули.

В Пятом дивизионе служат лучшие гарднерийские следопыты. От них не спрячешься. Эти бойцы отточили навыки тайной слежки во времена Войны миров, разведывая местонахождение вражеских лагерей, где прятались опасные противники из народа фей. Поговаривают, что лучшие из Пятого дивизиона могут пройти по следу, оставленному в лесу неделю назад. Всё это мне рассказал Рейф, которого Пятый дивизион уже не первый год зазывает в свои ряды.

– Разве ты служишь не в Пятом? – удивлённо спрашиваю я. – Почему же ты здесь?

Шейн – прирождённый следопыт, совсем как Рейф.

– Видишь ли, Эллен, – с горькой улыбкой поясняет Шейн, – скорее всего, офицеры решили, что я недостаточно хладнокровен, чтобы убить свою сестру.

– Убить?! – бледнею я.

Шейн морщится, словно от боли.

– Её ребёнок не простой икарит. В Совете уверены, что это тот самый Икарит.

Я в ужасе замираю на месте.

Пророчество Ателлиана Люмина, одного из величайших наших провидцев, известно всем.

Великий Крылатый восстанет и накроет землю страшной тенью. И как Ночь побеждает День, а День побеждает Ночь, явится миру новая Чёрная Ведьма, исполненная небывалой силы, и выйдет противостоять Злу. И когда сойдутся они на поле битвы, разверзнутся небеса, содрогнутся горы, а воды окрасятся багрянцем... и в том сражении решится судьба всей Эртии.

Люмина считали истинным пророком, его откровения были известны всем верующим гарднерийцам и почитались не меньше священного писания, нашей «Книги древних». Ателлиан Люмин покинул этот мир, когда я была совсем маленькой. Мы тогда жили в Валгарде, и я до сих пор помню, какие толпы запрудили улицы столицы в день похорон пророка. Люди тогда искренне горевали.

Маг Люмин безошибочно предсказал небывалую магическую силу моей бабушки и её битву с демоном-икаритом. Вскоре после окончания Войны миров и гибели Чёрной Ведьмы Люмин огласил последнее пророчество, которое встряхнуло всю Гарднерию. Ведь тогда победители были уверены, что икариты никогда не вернуться и Гарднерия навсегда забудет об ужасах пожара и крылатой тьме. Однако выяснилось, что на горизонте маячит угроза куда более страшная.

– Время пришло, – хриплым шёпотом выдыхает Шейн. – Провидцы всё подтвердили. И не они одни. Предсказатели из других рас тоже сказали своё слово. Они все прочли послание небес – икарит из пророчества явился. Икарит с крыльями, одарённый волшебной силой. Остальные мальчишки-икариты давным-давно пойманы и лишены крыльев. Ты понимаешь, что происходит, Эллорен? Икарит из пророчества и есть ребёнок моей сестры. Иначе быть не может.

– Нет. – Я отчаянно качаю головой, прогоняя страшные мысли. Всё это слишком странно и нелогично. Почему у милой, доброй и заботливой Сейдж вдруг родился демон из пророчества? – Я не верю!

По выражению лица Шейна ясно, что переубедить его не удастся.

Тоскливо глядя на полупустой бокал с пуншем, брат Сейдж едва сдерживает ярость.

– Он бил её... ты знала?

– Кто?

– Как кто?! Тобиас. Характер у него не сахар. – Шейн мрачно оглядывает зал. – Она всех слушалась, делала всё, что ей велели... все эти! А он добрался до неё в университете. Неудивительно, что она сбежала с тем кельтом. – Пальцы Шейна побелели, и я боюсь, что его бокал скоро разлетится вдребезги. – Он обманул её, – скрежеща зубами шипит Шейн. – Кельт... все они такие. Соблазнил мою сестру, воспользовался её добротой... грязная тварь... а теперь... – Его голос срывается, в глазах блестят слёзы ярости.

Я тянусь сочувственно похлопать его по плечу, но Шейн отшатывается, избегая прикосновения.

– Шейн, послушай меня. Этого не может быть, – настаиваю я. – В пророчестве сказано не только о новом икарите. Там есть строки и о Чёрной Ведьме, а среди нас нет никого с такой умопомрачительной силой...

Шейн недоверчиво вскидывает брови.

– Конечно есть! Или скоро появится. – И он показывает взглядом на семейку Бэйн.

Моё горло будто сжимает тугим обручем. Фэллон Бэйн. Следующая Чёрная Ведьма. Ей предстоит убить малыша-демона, ребёнка Сейдж Гаффни. Кошмар какой-то.

Глядя Шейну в глаза, я неуверенно спрашиваю:

– Ты действительно думаешь, что Фэллон Бэйн со временем обретёт такую силу?

– Пожалуй... если учесть, с какой скоростью растёт её магия, – безнадежно вздыхает Шейн. – Ничего не поделаешь, Эллорен. Для моей сестры всё кончено. Иди к своим. Держись подальше от нашей семьи.

Я нахожу среди гостей Фэллон.

Она вынимает из ножен волшебную палочку и шутя наводит её на худенького военного стажёра. Он застывает, боясь шевельнуться, а стоящие рядом настороженно умолкают.

Так нельзя. Стажёрам строжайше запрещено целиться друг в друга.

Поразительно. По бальному залу прогуливается предостаточно офицеров, но ни один даже не делает девушке замечания за грубейшее нарушение правил.

Фэллон с хохотом убирает палочку в ножны, напряжение спадает, зеваки нервно хихикают. А худенький стажёр, испуганно растянув губы в улыбке, исчезает в толпе.

Проводив его взглядом, Фэллон поворачивается ко мне. Она хищно улыбается, и я догадываюсь, что у неё на уме.

Осторожно, Эллен Гарднер. На месте бедняги стажёра можешь оказаться и ты.

Глава 11. Айслин Грир

Шейн, поклонившись, уходит, а я возвращаюсь к столу с угощениями, чтобы выпить пунша и немного успокоиться.

Трясущимися руками, позвякивая ковшом о стенки хрустальной чаши, я наполняю бокал розоватым коктейлем с нежными съедобными лепестками. Сайлус зовёт Пейдж, и она неохотно уходит к жениху. Я остаюсь одна. Почувствовав на себе чей-то взгляд, я удивлённо оглядываюсь.

Меня неторопливо рассматривает хрупкая миловидная девушка с умными зелёными глазами. Она сидит неподалёку, опустив на колени раскрытую книгу, перевёрнутую обложкой вверх. На ней строгое платье на подкладке – такие носит Экко Флад – и на шее тоже цепочка с кулоном, шариком Эртии. На лице – ни грамма косметики. Странно, но, судя по чистым рукам на коленях, она не обручена. Платье явно указывает, что она из очень консервативной семьи, где девушкам очень рано начинают подыскивать супругов.

– Похоже, ты не нравишься Фэллон, – замечает девушка, кивая в сторону хохочущих юношей, окруживших Фэллон Бэйн. – Ты храбрая. Умеешь выбирать врагов, – сочувственно улыбается новая знакомая.

– Она тебе не нравится? – удивлённо уточняю я.

– Кто, Фэллон? – качает головой девушка. – Она злее самой ядовитой змеи. И братья у неё такие же. – Смерив меня опасливым взглядом, собеседница тут же предупреждает: – Если вздумаешь передать кому-нибудь мои слова, я буду всё отрицать.

Ничего себе. Наконец-то передо мной девушка, которая не ловит каждое слово Фэллон.

– Я Эллорен Гарднер, – протягиваю я собеседнице руку.

Она со смехом пожимает мою ладонь:

– А кто же ещё! О тебе всем известно.

– Дай-ка угадаю, – осторожно улыбаюсь я. – Наверное, обсуждают, что я как две капли воды похожа на свою бабушку?

– Нет, – смеётся девушка. – Говорят, ты всю жизнь провела в глуши, где-то на севере. Но самое примечательное – ты ни с кем никогда не целовалась!

Мои щёки пылают, голова раскалывается, и я прикладываю ладонь ко лбу.

– Зачем я только ей призналась...

– Ничего, – утешает новая знакомая. – Меня целовали. И, скажу я тебе, ничего особенного в этом нет.

– Правда?

– Правда, – поддразнивает она. – Представь: двое прижимаются ртами, пробуют на вкус слюну друг друга так, что узнают, кто и что ел на ужин. Если подумать, ничего приятного в этом нет.

– А ты, как я вижу, в романтику не веришь, – смеюсь я в ответ.

– Зачем осложнять себе жизнь и тешить себя нереалистичными ожиданиями? – соглашается она.

Девушка держится невероятно прямо. На ней отглаженное платье очень строгого покроя, а длинные чёрные волосы аккуратно расчёсаны и закреплены на затылке двумя серебряными гребнями.

– Быть может, ты просто ещё не встретила своего суженого?

– Почему же, встретила, – рассудительно отвечает она. – Наше обручение состоится в конце года. Он вон там, – кивает она, указывая на двери в бальный зал. – Стоит справа от дверей.

Внешне этот юноша почти неотличим от других гостей: волевой подбородок, чёрные волосы, зелёные глаза...

– И ты с ним целовалась? – спрашиваю я.

– Ну да, так положено, – покорно вздыхает она. – Мужчинам приходится ждать так долго всего... остального. Надо их иногда подбодрить, что ли.

– Но тебе не понравилось.

– Не подумай, что это полный кошмар. Терпимо.

Услышав такое бесстрастное описание, я фыркаю от смеха:

– Можно подумать, ты говоришь о стирке и уборке!

– Ну, в каком-то смысле так и есть, – доброжелательно улыбается она в ответ.

– Если ты так считаешь, то зачем согласилась обручиться с ним, а потом выйти за него?

– Рэндалл нормальный, – пожимает она плечами. – Из него получится хороший супруг.

Его выбрали мои родители, а я привыкла им доверять.

– То есть твоего мнения о женихе не спрашивали?

– А кому это интересно? Меня не обручили бы с подлецом. Старшим сёстрам женихов тоже искали родители.

Поразительно... девушка ничуть не возражает против такого обращения.

– А разве ты не хотела бы выбрать жениха сама? – не удержавшись, спрашиваю я.

Дядя Эдвин не стал бы выбирать мне мужа. Может, познакомил бы с кем-нибудь достойным, по его мнению, но решение осталось бы за мной.

Девушка снова пожимает плечами.

– Какая разница, кто выбирает. В сущности, они все на одно лицо. Ты посмотри на них... – Она презрительно указывает на молодых военных в зале.

Она права. Оглядывая бальный зал, я вынуждена признать, что среди гостей трудно отыскать кого-то необыкновенного, непохожего на остальных.

– Что ты читаешь? – указываю я на книгу на её коленях.

Она вдруг заливается румянцем.

– Да так. Кое-что из университетского курса, – объясняет она с невинным видом. – Решила подготовиться к занятиям.

На обложке действительно значится «История Гарднерии. Издание с примечаниями». Однако, если взглянуть пристальнее, оказывается, что обложка чуть шире страниц.

– А если честно? – пробую выяснить я.

Сначала она смотрит на меня округлившимися от удивления глазами, а потом откидывается на спинку стула и со вздохом протягивает мне книгу, признавая своё поражение.

– Только никому не говори, – заговорщически шепчет она.

Осторожно придерживая обложку, я листаю тонкие страницы.

– Любовные стихи! – смеюсь, шепчу я в ответ. – А говорила, не веришь в романтику.

– В жизни романтики нет, – поясняет она. – Мне нравится сама идея, возможность чистой, неподдельной романтической страсти.

– Смешная ты, – с улыбкой отвечаю я.

Девушка склоняет голову к плечу и не таясь рассматривает меня.

– А ты совсем не такая, какой я тебя представляла. Кстати, меня зовут Айслин Грир. Мой отец заседает в Совете вместе с твоей тётёй. Я тоже скоро еду в университет.

– Эллорен, я смотрю, у тебя новая подруга!

К нам грациозно подходит тётушка.

– Добрый вечер, маг Деймон, – здоровается Айслин, обеими руками пряча книгу.

– Добрый вечер, Айслин, – сияет улыбкой тётушка. – Я только что разговаривала с твоим отцом. Как хорошо, что вы пришли! – И тётя поворачивается ко мне: – Эллорен, прошу тебя, сходи за скрипкой. Пастырь Фогель желает послушать, как ты играешь.

Сердце у меня застывает и проваливается куда-то в пропасть.

– Играть? Сейчас? При всех?

– Твой дядя не раз уверял меня в твоих музыкальных талантах.

– Простите, тётя Вивиан... я... я не могу...

Я в жизни не играла для такой толпы. Голова идёт кругом.

– Чепуха, дитя моё, – отмахивается все возражения тётя. – Иди за скрипкой. Будущему верховному магу не принято отказывать.

Глава 12. Лукас Грей

Выскользнув из переполненного бального зала, я с облегчением вздыхаю и спешу по тихому узкому коридору к спальне, машинально переставляя сдавленные узкими туфельками ступни. А может, сбежать, пока меня не хватились?

В пустой спальне я застываю, не в силах пошевелиться и вздохнуть.

На кровати лежит открытый футляр для скрипки, а внутри на мягком зелёном бархате удобно расположилась скрипка Мэлориан – самый лучший музыкальный инструмент во всех Западных землях. Эти скрипки делают эльфы в северных мэлорийских горах из редчайшей древесины альфсигрских елей. Под струнами – кусочек пергамента. Тётиным летящим почерком там написано:

Удачи тебе, Эллен!

Присев на краешек кровати, я не свожу глаз со скрипки. Откуда у тёти Вивиан одна из самых дорогих скрипок на свете? Её даже страшно взять в руки – это всё равно что коснуться святыни. Пробежав пальцами по струнам, я мысленно вижу альфсигрскую ель на горном склоне.

Скрипка настроена идеально.

Я подтягиваю смычок, поднимаю скрипку к плечу и провожу им по струнам – пальцы от волнения даже покалывает.

Комнату наполняет глубокий звук, чистый, как неподвижная вода в озере.

От небывалого прилива счастья моё сердце стучит быстрее обычного. Я бросаюсь к дорожному сундучку в поисках папки с любимыми партитурами. Вот моя любимая пьеса «Зимняя тьма», в голове уже звучит знакомая мелодия.

Однако, стоит мне бросить взгляд на открытую дверь, радость тут же испаряется. Уж слишком тяжёлое испытание ждёт меня там, внизу.

Собрав волю в кулак, я принимаю решение. Если мне суждено с треском провалиться, то пусть это случится под прекраснейшую из скрипичных мелодий.

Осторожно прижимая к себе инструмент, я беру партитуру и решительно выхожу из комнаты навстречу судьбе. М-да... в таких узких, неудобных туфлях шагается не очень-то уверенно.

В бальном зале у меня пересыхает во рту, мышцы живота сводит судорогой и – что хуже всего – начинают трястись руки.

Тётя встречает меня любезной улыбкой. Она беседует с пастырем Фогелем и членами Совета. Маркус Фогель снова обращает на меня свой настойчивый, немигающий взгляд. Он что, читает мои мысли?

– Благодарю вас за эту... необыкновенную скрипку, тётя Вивиан, – срывающимся голосом говорю я.

– Я рада, что тебе понравилось, милая, – светится улыбкой тётя. – Мы ждём!

Она показывает на позолоченный нотный пюпитр рядом с оркестром, прямо перед великолепным роялем из чёрного дерева. Ножки инструмента украшены резными листьями и ветками.

Тётя Вивиан ведёт меня к пюпитру. Музыканты вежливо кланяются и улыбаются. Я склоняюсь над футляром и дрожащими пальцами вынимаю драгоценную скрипку.

– Это Энит, – слышится тётин голос. Я поднимаю голову и вижу совсем рядом девушку-уриску с огромными сапфировыми глазами и ярко-голубой кожей. – Она будет переворачивать тебе страницы.

– Какие страницы?

Тётя смотрит на меня так, будто сомневается, в своём ли я уме.

– Ноты.

– Ах да... конечно.

Выпрямившись, я расправляю листки пергамента и передаю их уриске. Она касается моих дрожащих рук и беспокойно хмурится.

Разговоры в огромном зале понемногу стихают, и гости поворачиваются к хозяйке.

– Хочу представить вам мою племянницу Эллорен Гарднер, – хорошо поставленным голосом говорит тётя. – Некоторые из вас с ней уже встречались, другие будут учиться вместе с ней в университете.

К моему ужасу, в первые ряды пробирается Фэллон с большой свитой.

Потянувшись к пюпитру, я случайно задеваю партитуру, и страницы разлетаются по полу.

– Простите, – хрипло бормочу я.

Мы с уриской почти одновременно нагибаемся, чтоб собрать ноты. Фэллон и остальные хихикают, пытаюсь скрыть веселье за кашлем.

Наконец, сгорая от стыда и унижения, я выпрямляюсь. Уриска забирает у меня страницы, не желая снова ползать по полу из-за моей неловкости.

Я вынимаю скрипку из футляра, пристраиваю её на плече, прижав подбородком, и поднимаю смычок, изо всех сил напрягая дрожащую руку.

Фэллон с друзьями злобно пялятся на меня, ожидая провала. Айслин Грир, которая тоже пробралась поближе, дружески кивает, желая удачи.

Я понимаю, что если простою так ещё хоть минуту, то меня стошнит от ужаса. Пора начинать.

Смычок с громким скрежетом пикирует на скрипку, и я морщусь от удивления – откуда это дребезжание? Так отвратительно я никогда не играла. И всё же я не останавливаюсь, вожу смычком по струнам, пытаюсь нащупать мелодию. Такое впечатление, что дрожащие руки мне больше не подчиняются и двигаются сами по себе.

Я замираю, всё ещё прижимая к себе скрипку и не смея взглянуть на гостей. Из глаз текут слёзы.

С того места, где стоит Фэллон, доносятся смех и смущённое покашливание. От этих противных звуков я вдруг прихожу в себя и снова чувствую тепло скрипки. Дерево нежно пульсирует, я вижу грубые, сильные ветви старого леса.

Взбодрившись, я взмахиваю онемевшими руками, прогоняю дрожь и начинаю заново. На этот раз смычок нежно касается струн, и мелодия звучит по-ученически правильно. Я упрямо играю такт за тактом, изумительная скрипка помогает превратить мои потуги почти в волшебную музыку...

А потом начинается это...

Сзади раздаются другие звуки – кто-то аккомпанирует мне на рояле. И не просто аккомпанирует, а великолепно играет, оплетая волшебными звуками моё соло на скрипке.

Не веря своим ушам, я замираю.

Пианист подхватывает мою готовую сорваться мелодию, прикрывает ошибки арпеджио и импровизирует. Скрипка согревает меня невидимым облачком тепла, колючие еловые ветви колышутся, успокаивая и помогая сосредоточиться.

Понемногу музыка захватывает меня, смычок уверенно порхает по струнам, ноты всплывают в памяти до последней чёрточки, и я закрываю глаза. Я знаю эту мелодию наизусть.

Толпа гостей растворяется в тумане. Остаются лишь скрипка, рояль и музыка.

А потом, не вспоминая о спасительной поддержке рояля, я отправляюсь в полёт, повинаясь самой прекрасной музыке на свете, и играю, даже когда рояль умолкает, играю соло, позабыв обо всём.

К глазам подступают слёзы, мелодия достигает апогея, проникая в самое сердце. Музыка струится сквозь дерево смычка и скрипки, и я мягко завершаю пьесу печальным аккордом.

Опустив смычок, я ещё мгновение стою с закрытыми глазами в гулкой тишине.

А потом зал разражается громом аплодисментов, и я открываю глаза.

Ко мне спешат с поздравлениями гости и оркестранты.

Фэллон Бэйн с нескрываемым ужасом смотрит на меня огромными, как блюдца, глазами, забыв закрыть рот. Её друзья восхищённо аплодируют. Значит, я действительно неплохо сыграла!

Обернувшись к моему спасителю за роялем, я на мгновение застываю столбом.

Передо мной очень красивый юноша. Пожалуй, такого красавца я ещё не встречала. У него правильные, мужественные черты лица, щегольской армейский мундир и удивительно притягательные зелёные глаза.

И он мне улыбается.

Я знаю, кто это, можно обойтись без церемонии знакомства.

Лукас Грей.

С изыщной лёгкостью он поднимается из-за рояля. Высокий, широкоплечий, с телом прирождённого атлета и грацией пантеры. На рукавах его чёрного мундира мерцают пять серебряных полосок.

Он идёт ко мне, но рядом с ним как из-под земли вырастает Фэллон Бэйн и берёт его под руку, прожигая меня взглядом.

Лукас с весёлым удивлением приветствует Фэллон, и снова смотрит мне в глаза, приподняв брови, будто приглашая посмеяться над шуткой, известной только нам. По другую руку от Лукаса появляется тётя Вивиан и обращается к Фэллон с любезной, но холодной улыбкой.

– Фэллон, дорогая, – щебечет тётушка, – нам с пастырем Фогелем срочно нужно с тобой переговорить.

Фэллон в растерянности хлопает глазами, пытается протестовать, но не может выговорить ни слова. Лукас не сводит с меня глаз, явно забавляясь.

– Пойдём, дорогая. – И тётя Вивиан показывает Фэллон на другой конец зала, где пастырь Фогель стоит в окружении восхищённой свиты. В ответ на мой беззвучный вопрос Фогель едва заметно одобрительно кивает.

Фэллон выпускает руку Лукаса, словно расставаясь с выстрадавшим сокровищем.

– Я скоро вернусь, – шипит она, проходя мимо.

Тётя настойчиво уводит Фэллон, а та несколько раз оборачивается, пронзая меня ненавидящим взглядом.

Наконец я могу спокойно рассмотреть Лукаса.

О Древнейший! Какой же он красавец!

– Спасибо, что подыграли мне, – от чистого сердца благодарю я.

Лукас непринуждённо опирается о крышку рояля.

– Рад был помочь. Не часто выпадает случай сыграть дуэтом с гениальной скрипачкой.

Это большая честь.

– Это я-то гениальная скрипачка? – усмехаюсь я. – Да я всё начало смазала.

В глазах Лукаса вспыхивают весёлые искорки:

– Это от волнения. Но вы быстро взяли себя в руки и показали свой истинный талант.

Он лениво поднимается и протягивает мне руку:

– Я Лукас Грей.

– Знаю, – неуверенно отвечаю я. Рукопожатие Лукаса уверенное и крепкое.

– Вы знаете? – переспрашивает он, приподнимая брови. – Откуда?

– Это из-за Фэллон. Когда она взяла вас под руку, я всё поняла. Она упоминала, что вы с ней скоро обручитесь.

– Неужели? Так и сказала? – снова ухмыляется он.

– А разве это не так?

– Нет.

– Ой.

– Она буквально припёрла меня сегодня к стенке, чтобы рассказать о вас, – улыбается Лукас.

– И что она сказала?

– Ну, что все говорят... Что вы – копия своей бабушки. – Он наклоняется так близко к моему уху, что я чувствую его дыхание. – Я видел её портреты. Вы гораздо привлекательнее, чем она в молодости.

Я нервно сглатываю и стою словно замороженная.

Лукас выпрямляется как раз вовремя – мои щеки уже розовеют, выдавая участившееся сердцебиение.

– А что ещё она сказала?

– Что вы по уши влюблены в Гарета Килера.

Не удержавшись, я фыркаю от смеха:

– Ох, ну надо же...

– Так это неправда?

– Нет! – восклицаю я, морщась в недоумении. – То есть... мы купались вместе!

Лицо Лукаса озаряет плутоватая усмешка.

– В детской ванночке! – бессвязно лепечу я.

– Везёт же некоторым, – восхищённо прищёлкивает языком Лукас.

– Нет... но... всё не так, как вы думаете.

– С каждой минутой я всё отчаяннее ревную вас к Гарету Килеру!

– Мы тогда были совсем маленькими! – снова восклицаю я, пытаюсь стереть неблагоприятную картинку из воображения Лукаса. – Мы с Гаретом выросли вместе. Он мне как брат.

Лукас молча улыбается, наслаждаясь моей беспомощностью.

– Что ещё рассказала вам Фэллон? – со вздохом сдаюсь я.

– Что вы никогда ни с кем не целовались.

От стыда мне хочется провалиться сквозь землю.

– И зачем только я ей призналась... Наверное, она проболталась всей Гарднерии!

– Этот порок легко исправить, – сообщает Лукас, выжидательно глядя мне в глаза.

– Как это?

Отступив на шаг, Лукас протягивает мне руку.

– Пошли, – с улыбкой говорит он.

На другом конце зала я вижу тётю Вивиан, а рядом с ней Фэллон со сверкающими от ярости глазами.

Я вкладываю руку в ладонь Лукаса, и, ловко лавируя среди гостей, он выводит меня из бального зала.

Мы проходим мимо Пейдж, и я успеваю заметить, как её брови практически взлетают к её вискам и невольно открывается рот, но слышу лишь непонятный писк. Знаю: посягать на жениха Фэллон непростительно, но таких приключений у меня ещё не было.

Спотыкаясь, я изо всех сил стараюсь не отставать от Лукаса. Он уверенно ведёт меня через холл, за лестницу и по каким-то коридорам. По дороге я мельком замечаю великолепное убранство парадных комнат: хрустальные люстры, портрет моей бабушки, пейзажи, на которых изображены Верпасийские горы и Волтийское море.

Внезапно мы сворачиваем в боковые комнаты – и обстановка меняется: теперь мы ступаем по толстым тёмно-бордовым коврам малинового оттенка, окутанных мягким янтарным светом настенных ламп. В коридоре ни души, звуки праздника сюда едва доносятся. Лукас ведёт меня всё дальше, но уже медленнее, потом мы сворачиваем за угол и останавливаемся в тупике.

Он поворачивается ко мне с уже знакомой улыбкой. Отступив на шаг, я упираюсь спиной в стену, не выпуская из виду эбеновую волшебную палочку на поясе моего спутника.

Лукас упирается одной рукой в стену, а другой нежно убирает мне за ухо выбившийся локон.

Я едва перевожу дыхание, даже не пытаюсь усмирить беспорядочные удары сердца.

– Ну вот, – вкрадчиво начинает Лукас, – говоришь, никто тебя не целовал?

Я открываю было рот, чтобы объяснить. Сказать, что понятия не имею, как целоваться, и что наверняка я целуюсь отвратительно, но, не дожидаясь объяснений, Лукас приподнимает мой подбородок, склоняется ещё ниже и нежно прижимается своими губами к моим... и все мои сомнения мгновенно растворяются в воздухе, как облачко.

Ещё некоторое время губы Лукаса не расстаются с моими, а потом он, оторвавшись на мгновение, шепчет мне на ухо:

– Вот и всё. Это и был поцелуй.

Я смотрю на него в непонятном оцепенении. Айслин ошиблась... всё не так.

Нерешительно подняв руки, я кладу ладони на плечи Лукаса и чувствую тепло его тела сквозь шёлк мундира.

– Какая ты красивая, – восхищённо выдыхает он, склоняясь для нового поцелуя.

На этот раз его губы более настойчивы, а меня постепенно охватывает незнакомое, очень приятное ощущение. Я как будто плыву, всё глубже и глубже погружаясь в прекрасный сон. Лукас обнимает меня за талию и прижимает к себе. Как приятно стоять в его объятиях и отдаваться его поцелуям... Приятно – и опасно. Это даже приятнее, чем провести рукой по гладкой древесине речного клёна. Приятнее, чем ощутить под пальцами бархатную кору верпасийского вяза. Приятнее всего на свете.

Это ощущение сродни вспышке, как будто каждый окружающий нас деревянный предмет загорается словно факел. Огонь поднимается снизу по ногам, охватывает моё тело, согревает губы, а перед глазами встают стеной тёмные первобытные леса.

Охнув, я отступаю на шаг, и огонь тут же гаснет, а лес растворяется в тумане.

Лукас потрясённо смотрит на меня, не выпуская из объятий.

– Я знаю... ты... – выдыхаю я, не в силах сдержать дрожь. – Мне говорили... ты наделён большой силой.

Прищурившись, он напряжённо изучает моё лицо и вдруг ехидно ухмыляется.

– О да! Но магия есть и в тебе. Может быть, ты даже сильнее меня. Я это чувствую. – Лукас нежно гладит пальцами мой затылок. – А ведь ты сама не знаешь своей силы, да? – Его глаза темнеют. – Пока.

Он игриво проводит пальцем по самому краю высокого воротника моего платья, и у меня уже в который раз перехватывает дыхание от волнения, смешанного с беспокойством.

– Я просто похожа на бабушку. Магии во мне нет ни капли, – качаю я головой.

– Неужели? – недоверчиво склоняет голову Лукас, переместив ладонь мне на бедро. – Эллорен, ты когда-нибудь держала в руках волшебную палочку?

– Честно говоря, не припомню.

Уголки губ Лукаса приподнимаются в загадочной улыбке.

– Что ж, – довольный новыми сведениями, улыбается он. – С этим тоже надо что-то делать. – Обвив меня рукой за талию, он снова склоняется ближе. – Придётся мне тебя проверить. Самому.

– Лукас! – доносится из коридора мужской голос.

Я застываю как каменная, чувствуя, как пылают щёки. Лукас же ничуть не смущён неожиданным вторжением.

На нас смотрит Сайлус Бэйн.

О милосердный Древнейший! Опять эти Бэйны! Только не сейчас.

Поняв, кто перед ним, Сайлус в удивлении умолкает. Потом прищуривается, и его тонкие губы складываются в вымученную усмешку.

– Маг Эллорен Гарднер! Какая встреча! Быстро работаешь, Лукас. Выражаю тебе моё полное и безоговорочное восхищение. Как всегда. – Он фыркает от смеха. – Вот подожди... дойдёт до Фэллон...

Я вздрагиваю и чувствую, как по спине бегут мурашки. Фэллон меня просто убьёт.

– Сайлус, ты грубо прервал нашу беседу. Что-то случилось? – вежливо осведомляется Лукас.

В его голосе слышатся ледяные нотки, и улыбка Сайлуса Бэйна тает.

– Я... мы... – бормочет Сайлус. – Мы уходим. Я подумал, ты с нами. Если, конечно, ты не слишком занят... здесь.

Лукас со вздохом смотрит на меня и нехотя поворачивается к Сайлусу:

– Я вас скоро догоню.

Сайлус злорадно усмехается, как будто только что взял первый приз в каком-то тайном состязании, и уходит. Я наконец расслабляю окаменевшие плечи.

Лукас прислоняется к стене, всё ещё обнимая меня за талию.

– Фэллон Бэйн... У тебя с ней что-то есть? – пристально глядя на Лукаса, спрашиваю я.

– Я ухаживал за ней одно время. Недолго. И давно, – скривив губы в усмешке, отвечает он.

– А, понятно, – как будто других объяснений не требуется, киваю я.

Со вздохом раскаяния Лукас поднимает на меня глаза.

– Наши линии влечения расходятся. Мы с Фэллон очень разные, так уж вышло. Её влечёт лёд... а меня... – Он с улыбкой гладит меня по спине, и от его прикосновений меня бросает в жар. – Меня куда сильнее влечёт огонь.

Не мигая я смотрю в изумрудные глаза Лукаса. В их тёплой зелени можно утонуть.

Тристан мне кое-что рассказывал о потоках магической силы, о том, как действует волшебство. В каждом маге переплетены силы огня, земли, воздуха, света и воды. Преобладают обычно одна или две стихии. Тристан, к примеру, тяготеет к огненной и к водной.

Я чувствую волшебную силу Лукаса. Я чувствую его огонь.

Лукас молчит, задумчиво глядя на меня.

– Пойдём со мной на Йольский бал!

– Куда?

– В университете на рождество устраивают бал для студентов и выпускников. Пойдёшь со мной?

Я с трудом сглатываю, не веря своим ушам. Похоже, я сплю и всё это мне снится.

– Пойду, – глупо киваю я.

Довольно улыбаясь, Лукас гладит мои локоны.

– Нам пора, – грустно говорит он. – Твоя тётя будет волноваться.

– Ну, не знаю, – недоверчиво отвечаю я, наслаждаясь его нежными прикосновениями. – Когда мы уходили, она проводила нас улыбкой.

Да она была вне себя от счастья!

– Да, пожалуй... – согласно кивает он с усмешкой. Потом отступает на шаг и приглашающим жестом оттопыривает локоть. Я беру его под руку, хотя в глубине души мне хочется ещё побыть наедине с Лукасом, снова ощутить жар его поцелуев.

В холле Лукаса приветствует толпа молодых солдат и военных стажёров. Среди них и Сайлус. В стороне я замечаю Рейфа, который огибает весельчаков и широкими шагами спешит к нам, глядя то на меня, то на Лукаса.

– Привет, Рен, – тепло говорит он.

Я выпускаю руку Лукаса и обнимаю брата.

– Где Тристан? – Я рада видеть Рейфа в Валгарде, но и о присутствии Лукаса ни на мгновение не забываю.

– Тристан остановился у Гарета, – улыбается Рейф. – Ты же знаешь, он обожает сборища с кучей приглашённых.

– А где прелестные девы, которые преследуют тебя повсюду? Тристан мне о них столько рассказывал... – смеюсь я в ответ.

Рейф отвечает мне плутовской улыбкой.

– Сейчас набегут. Я только приехал. – Повернувшись к Лукасу, Рейф уже менее дружелюбно – сейчас он похож на тигра, демонстрирующего клыки, – интересуется: – Что, показываешь моей сестре дом?

– Вроде того, – безмятежно отвечает Лукас.

Брат всё так же улыбается, но его правая рука сжимается в кулак.

– Из лука стрелять не разучился ещё, Рейф?

– Бью точно в цель, Лукас.

Не обращая внимания на вдруг сгустившееся напряжение, Лукас поворачивается ко мне:

– Я давно зазываю твоего брата к нам стажёром. Он мог бы многого добиться. Отличный следопыт, прекрасный охотник... лучший лучник во всей Гарднерии! Опасный человек твой братец.

– Да ладно, Лукас. Не такой уж я и опасный, – с той же улыбкой отвечает Рейф. – Но тому, кто вздумает обидеть мою младшую сестрёнку, не поздоровится.

Лукас только смеётся в ответ:

– Я очень сомневаюсь, что ей понадобится твоя защита, Рейф.

Брат вопросительно смотрит на меня, прежде чем снова повернуться к Лукасу.

Из толпы у дверей моего спутника кто-то зовёт.

– Ну, мне пора. Вам наверняка есть о чём поговорить, – откланивается Лукас и с улыбкой целует мне на прощание руку. От его прикосновения у меня по спине пробегает приятный холодок, и я с трудом сохраняю безмятежное выражение лица. – Эллорен, я был счастлив с тобой познакомиться, – пристально глядя мне в глаза, говорит он. Выпрямившись, Лукас поворачивается к моему брату.

– Рейф, – слегка кивнув, прощается он.

– Лукас, – холодно отвечает Рейф.

Лукас направляется к друзьям и вместе с ними выходит на улицу.

Вздыхнув с облегчением, Рейф поворачивается ко мне.

– Я слышал, ты тут всех сегодня поразила. – Забавно сощурившись, он с деланой подозрительностью спрашивает: – Кто ты и что сделала с моей застенчивой сестрёнкой?!

– Я её очаровательный двойник, – смеюсь я в ответ.

В круглом зале у лестницы, кроме нас с Рейфом, никого нет. Праздник подходит к концу, музыки уже не слышно, лишь иногда из бального зала доносятся приглушённые разговоры и смех.

– Слушай, Рен, – необычно серьёзно вдруг говорит Рейф, – ты ведь знаешь, я не стал бы указывать тебе, как жить, правда?

Я не понимаю, с чего вдруг такие вопросы и к чему он ведёт.

Глубоко вздохнув, будто собираясь с мыслями, Рейф продолжает:

– Тётя Вивиан мечтает поскорее обручить тебя. И это понятно, но... ты не торопись связывать жизнь с Лукасом, ладно?

Щёки у меня горят, и я недоумённо пожимаю плечами.

– Я и не собираюсь.

– Мы с ним давно знакомы, – продолжает Рейф. – Я знаю, ты умница, но и он не дурак. И к тому же он более... опытный в таких делах.

Я поджимаю губы, делая вид, что ничего не слышу.

Потирая переносицу, Рейф снова тяжело вздыхает.

– Ты только будь осторожна, обещаешь?

– Обещаю, – быстро отвечаю я.

Рейф, похоже, успокаивается и снова смотрит на меня весело и беззаботно, как всегда.

– Ну ладно, понял, – поднимает он руки ладонями ко мне, будто сдаваясь. – Всё, нотации старшего брата окончены.

– Вот и хорошо, – с облегчением вздыхаю я, мысленно заталкивая его предупреждение подальше. У двери в бальный зал собрались симпатичные девушки. Они то и дело бросают на Рейфа весёлые взгляды и лукаво посмеиваются.

– Слушай, братец, ты знаком с Айслин Грир?

– Нет, не приходилось. – Рейф удивлённо поднимает брови.

– Мы с ней недавно познакомились. Пойдём, представлю тебя.

– Ты что, ищешь мне невесту? – смеётся Рейф.

– В этом тебе моя помощь точно не нужна. – Я оглядываюсь на стайку девушек. Они наверняка окружают Рейфа, как цыплята наседку, стоит мне отойти хоть на шаг. – Просто Айслин не такая, как все. Она умная... милая...

– Давай так, – весело предлагает Рейф. – В университете на рождество будут танцы – Йольский бал. Если ты пойдёшь с Гаретом, я приглашу Айслин Грир.

– Ничего не выйдет, – поколебавшись, признаюсь я. – Я уже обещала пойти на бал с Лукасом.

– Эллорен! – Рейф снова становится серьёзным. – Я не шучу насчёт Лукаса Грея. Держись от него подальше. Он очень силен. Ты играешь с огнём.

А может, я хочу играть с огнём!

– Ещё раз спасибо за предупреждение, – стремясь поскорее закончить этот разговор, отвечаю я.

Глава 13. Предложение

– Сегодня утром пришло интересное письмо, – сообщает мне тётя Вивиан за завтраком. Мы сидим в её маленькой гостиной, где с трёх сторон в высокие арочные окна виден ухоженный сад. В вазе алеют розы – яркое пятно посреди серого, пасмурного утра.

Тётя так аккуратно режет омлет на позолоченной тарелке, что позвякивания столовых приборов о фарфор совсем не слышно. Половинка булочки изящно устроилась на отдельной маленькой тарелке. Тётушка всё делает исключительно аккуратно – пишет письма, ест, одевается. Рядом с ней легко почувствовать себя неуклюжей растрёпой. Сравниться с тётей Вивиан почти невозможно. Точно такую же булочку я уже умудрилась раскрошить даже на скатерть.

– Письмо? От кого? – вежливо интересуюсь я, пытаюсь мизинцем сгрести крошки под тарелку.

– От родителей Лукаса Грея.

Мизинец застывает на месте. Тётя Вивиан мирно пьёт чай, не торопясь делиться новостями.

– Так вы с ними дружите? – спрашиваю я, стараясь не выдать волнения.

– Конечно, моя дорогая. С Лахланом и Эвелин я знакома давным-давно, – мечтательно улыбается тётя.

Напустив на себя безразличный вид, я откусываю маленький кусочек булочки.

– По всей видимости, – продолжает тётя, нежно баюкая в руках чашку, – вчера вечером Лукас сообщил им, что согласен обручиться с тобой.

Крошки попадают не в то горло, и я немилосердно кашляю.

– Что вы сказали?

Тётя довольно улыбается мне и сияет, как кошка, добравшаяся наконец до канарейки.

– Полагаю, ты произвела на него неизгладимое впечатление.

– Он хочет со мной обручиться? – вместе со словами у меня изо рта вылетают хлебные крошки.

– Что же тут удивительного? – озадаченно смотрит на меня тётя. – Ты совершеннолетняя. Большинство девушек Гарднерии в твои годы давно обручены или скоро будут...

– Но мы только познакомились!

– Это не имеет значения, – отвечает тётя, взмахом руки отменяя мои возражения.

Не веря своим ушам, я молча выжидательно смотрю на неё. Не имеет значения... Она это серьёзно?

– Необходимо провести церемонию обручения как можно быстрее, – решительно заявляет тётя. – Энит... – обращается тётя Вивиан к голубокожей уриске, которая вчера помогала мне переворачивать страницы. Девушка стоит у стены молча и неподвижно, как статуя.

– Да, мадам? – откликается уриска.

– Подготовь письмо семье Грей. Сообщи, что Эллорен счастлива принять предложение Лукаса и мы желали бы провести церемонию как можно быстрее. Например, завтра, после церковной службы.

– Подождите, – молю я. – Я не могу обручиться с Лукасом.

Тётя Вивиан замирает, не донеся до рта булочку.

– Что значит – не можешь?

Энит в ужасе смотрит на меня, распахнув удивительно яркие глаза, как будто я опрокинула на скатерть розетку с джемом.

– Я видела Лукаса один раз в жизни.

Милосердный Древнейший! И зачем Лукас всё это затеял?

– Эллорен, – выдыхает тётя, опуская булочку на тарелку. – Такие предложения от такой семьи и такого молодого человека на дороге не валяются.

– Простите, – качаю я головой. – Я не могу. Мы только что познакомились. А я... я обещала дяде Эдвину...

– Что ты ему наобещала?

– Я обещала, что сначала окончу университет, а потом обручусь.

Тётя в удивлении застывает с открытым ртом.

– Но на учёбу уйдёт два года, не меньше!

– Я знаю.

– Эллорен. – Тётя понижает голос. – Только полная дура может отклонить такое предложение.

Но от уговоров моё упрямство только крепнет.

– Если я ему действительно так нравлюсь, пусть поухаживает за мной, а потом предлагает обручиться.

– Скажу-ка я Греям вот что: пусть поступают, как хотели раньше, – недобро сверкнув глазами, сообщает тётя.

– А что они хотели?

– Обручить Лукаса с Фэллон Бэйн конечно же, моя дорогая.

Совершенно раздавленная, я едва дышу.

– Но Лукас сказал мне, что не собирается обручаться с Фэллон, – парирую я.

Тётя презрительно фыркает.

– Эллорен, ты это серьёзно? Ты действительно думаешь, что он будет ждать тебя вечно? – Её глаза холодно поблёскивают. – Фэллон Бэйн не раздумывая займёт твоё место.

Перед глазами встаёт непрошенная картина: Лукас страстно обнимает и целует надменную красавицу Фэллон, а она смотрит на меня с торжествующим злорадством. Уж она-то без колебаний примет предложение Лукаса Грея.

Однако обручиться с тем, кого видела всего один раз, – безумие.

К тому же Рейф что-то знает. Не зря он предупредил меня насчёт Лукаса.

– Эллорен, ты хочешь на всю жизнь остаться одна? – наклонившись ко мне, вкрадчиво спрашивает тётя. – Не хочешь найти мужа? Завести семью? Ты понимаешь, что чем дольше ты тянешь, тем меньше у тебя шансов когда-нибудь найти суженого? – Тётя откидывается на спинку стула. – Хотя кое-кто тебе, может, и сделает предложение – потом, когда ты окончишь университет. Останутся молодые люди, которые никому не нужны. Ты этого добиваешься?

Тётины слова больно ранят, и я вдруг спрашиваю себя: не совершаю ли я ужасную ошибку?

Меня знобит, и вовсе не потому, что сегодня пасмурно и сыро. Если бы дядя был со мной!

– Я... я просто не могу, – слабым голосом отвечаю я.

– А что, скажи на милость, мне ответить родителям Лукаса? – прищурившись, спрашивает тётя.

– Скажите, – сдавленно говорю я, – что я очень благодарна за предложение и всё обдумаю. Однако мне нужно время, чтобы познакомиться с Лукасом поближе.

– Странно... я думала, что вчера вечером ты познакомилась с ним достаточно близко, моя дорогая, – язвительно бросает тётя, поднося к губам чашку чая.

Моё лицо пылает от смущения.

– Слуги рассказывают мне обо всём, и очень подробно. – Она поджимает губы. – Если ты и дальше намерена предаваться подобным развлечениям, Эллорен, советую тебе обручиться, и поскорее.

От стыда и унижения я готова провалиться сквозь землю.

– Если ты полагаешь, что я буду молча смотреть, как ты отправишься в университет, не пройдя церемонию обручения, и опозоришь семью, связавшись там неизвестно с кем, как Сейдж Гаффни, то ты меня очень плохо знаешь. – Тётя ставит на стол чашку и наклоняется ко мне. – Я не стану платить за твою учёбу, Эллорен. Кроме того, я очень близко знакома с главой правления университета, многими профессорами и – что очень важно! – с хозяйкой общежитий. Если потребуется, мне не составит труда сделать твоё пребывание в университете очень неприятным. – Взяв себя в руки после этой вспышки, тётя печально вздыхает: – Я желаю тебе только добра, Эллорен. Тебе и всей нашей семье. Стоит ответить согласием на предложение Лукаса – и всё будет по-другому.

Угроза тётюшки приводит меня в чувство, как пощёчина.

– Я же сказала: я подумаю. Я не могу обручиться вот так, сразу. Мне надо узнать Лукаса получше.

Дядя Эдвин меня бы поддержал... Жаль, что он так далеко.

– Знаешь, Эллорен, – холодно говорит тётя, – с тобой очень тяжело.

От этого замечания у меня закипает кровь.

– Представляю, как вам повезло, ведь мой опекун дядя, а не вы.

В комнате стоит звенящая тишина. Девушка-уриска от страха уже почти не дышит.

– Мой брат, дорогая племянница, не от мира сего. Я ни за что не позволила бы ему увезти тебя на край света, знай я... – Тётя умолкает. В её сверкающих яростью глазах плещется невысказанное.

– Знай вы что? – требую я ответа. Как она смеет так говорить о дяде!

Оскалив зубы в недоброй улыбке, тётя нависает надо мной:

– Знай я, что ты вырастешь и отвергнешь предложение, о котором мечтает любая девушка Гарднерии!

Она смотрит на меня с такой неприкрытой злобой, что я отшатываюсь. Такой тётю я ещё не видела.

Однако в следующее мгновение она снова смотрит на меня с любезной улыбкой, скрыв истинные чувства за плотной завесой.

– Что ж, придётся тебе передумать, вот и всё, – спокойно сообщает тётя, слегка постучав пальцем по пустой чайной чашке.

Служанка-уриска наливает чай так поспешно, как будто от этого зависит её жизнь.

Тётя молчит и неторопливо помешивает ложечкой чай со сливками.

– Переубедить можно любого, если знаешь как.

Я с опаской слежу за каждым движением тётю, когда она подносит к губам фарфоровую чашечку своими длинными тонкими пальцами.

– Слабое место есть у каждого из нас, Эллорен. И у тебя тоже. – Тётя Вивиан пристально смотрит мне в глаза. – Я бы не хотела... искать твоё.

Глава 14. Икариты

Следующим утром мы молча, не обмениваясь по пути ни единым словом, едем в храм. Карету тёти Вивиан сопровождает личная стража. Над Валгардом собираются тучи – предвестники бури. Прижавшись щекой к окну, я смотрю на клубящиеся облака. Гарет и братья давно уехали... Жаль, что мне пришлось задержаться.

Тётя Вивиан изучает меня холодным взглядом, видимо изобретая новые способы сломить моё упрямство. Все пятнадцать дней, что я прожила с ней, тётя убеждала меня согласиться на обручение, каждый день выдумывая новые причины. Она не отпускает меня ни на шаг, всё ещё надеясь, что я сдамся и обручусь с Лукасом Греем до отъезда в университет.

Мы выезжаем в храм Валгарда так рано, потому что тёте Вивиан необходимо обсудить с пастырем Фогелем какие-то государственные дела. А потом, по её настоянию, останемся на службу, где конечно же случайно будет и Лукас с родственниками. При мысли о новой встрече с Лукасом у меня пылают щёки.

После службы я отправлюсь в карете в университет. Рейф с Тристаном и Гарет уехали верхом ещё утром.

Уж лучше бы меня отпустили с братьями. Как надоели мне эти затейливые, сковывающие движения одежды, в которых и шагу свободно не ступить!

И ещё мне очень хочется вырваться из-под назойливой опеки тёти Вивиан, лететь верхом с братьями в многолюдный, бурлящий жизнью университет.

Осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Ещё немного – и только меня и видели.

Тёмный лес домов впереди расступается, и перед нами открывается огромная круглая площадь, в центре которой возвышается мраморная статуя моей бабушки. Хорошо бы разглядеть черты её лица – может, я снова увижу себя, как в зеркале, но статуя слишком далеко. У самой площади карета поворачивает направо, и при виде главного храма Валгарда я едва сдерживаю крик восхищения. Он даже прекраснее, чем я думала!

Тёмные, широкие у основания колонны вздымаются к небу, сливаясь в единый шпиль, на верхушке которого серебрится шарик Эртии. Собор построен из железного дерева. Три арки – огромная в центре и две поменьше по бокам – обрамляют великолепную резную дверь, украшенную сценами из «Книги древних».

Карета останавливается, и я выбираюсь наружу, едва не поскользнувшись на ступеньках. Под ноги смотреть некогда – запрокинув голову, я жадно рассматриваю головокружительно великолепное здание. Серебристая сфера сияет на фоне темнеющего неба.

В соборе тётя показывает на одну из бесчисленных резных скамеек.

– Сядь сюда, – строго бросает она и уходит, стуча каблучками, к балдахину над помостом.

У алтаря стоят два храмовых служителя в тёмных широких мантиях. Они зажигают свечи и воскуривают фимиам. На груди у каждого серебрится знак Древнейшего – белая птица. Над алтарём покачивается ещё один шар Эртии.

Тётя Вивиан подходит к служителям и о чём-то с ними шепчется. Фигуры в мантиях по очереди немного оборачиваются, отчего у меня внутри всё будто завязывается в тугую, неприятный узел. А потом все вместе они уходят в боковую дверь, и я остаюсь одна в огромном пустом храме.

Усталая и опустошённая, я опираюсь ладонями о деревянную скамью.

Однако вскоре деревья, из которых выстроен этот необыкновенный собор, утешают меня, словно напевая колыбельную. Бессчётные колонны – прямые, наклонные, витые – поднимаются к асимметричному потолку, украшенному перекрещивающимися арками. Я как будто сижу под корнями гигантского сказочного дерева.

Закрыв глаза, я глажу полированную скамью и вдыхаю сладковатый аромат.

Когда в голове проясняется, я открываю глаза и вижу рядом с собой «Книгу древних».

Я беру в руки фолиант в чёрном кожаном переплёте и осторожно провожу пальцем по золотистым буквам на корешке. Эту книгу я знаю почти наизусть. Тайком от дяди, который вообще не одобряет религию, я много лет держала под подушкой издание, некогда принадлежавшее бабушке. Ту книгу давно, ещё в детстве, передала мне тётя Вивиан. Иногда, ночью, когда бывало особенно грустно и я сильно тосковала по родителям, молитвы из «Книги» дарили мне надежду и утешение.

Под глухие раскаты грома я открываю первую страницу.

Творение

В начале существовал только Древнейший. Вселенная была огромна и пуста. Из бесконечной, непостижимой пустоты Древнейший сотворил планеты и звёзды, солнце и луну. И Эртю, нашу Великую Сферу.

И на Великой Сфере Древнейший отделил твердь от воды и создал всё живое: зелёные растения, птиц в воздухе, животных в полях, лесах и в воде.

И посмотрел Древнейший на своё творение – и возрадовался.

Осенил Древнейший дыханием жизни Великую Сферу, и из семян священного Железного Дерева появились на свет Первые Дети, кои населили Великую Сферу, и Ангелы Небесные – дабы жить на Небесах.

Сначала они жили мирно.

Всё сущее почитало и славilo Древнейшего, все ему повиновались.

Но пришло время, когда крылатые Ангелы усомнились. Они сочли себя выше самого Древнейшего, назвали Небеса своими безраздельными владениями и отказались поклоняться создателю.

Пришло время, и Ангелы спустились к Первым Детям и призвали их отвернуться от Древнейшего и почитать их, обитателей Небес. Первые Дети в гневе отказались и ответили, что станут и дальше почитать и славить только Древнейшего, и никого больше. Тогда Ангелы в ярости наслали на Первых неисчислимыя бедствия: оборотней, нападавших по ночам, виверн, бросавшихся с небес, злых колдуний, сбивавших с пути, и прочих чудовищ и обманщиков, внося раздор в ряды Первых Детей и приводя их в смятение.

И взглянул Древнейший на творения свои, и увидел страдания Первых Детей, и узнал, что Ангелы Небесные обратились в Зло в предательстве своём. Поразил Древнейший Ангелов Небесных и низверг их на твердь Великой Сферы. И заговорил Древнейший с бывшими Ангелами Небесными, ныне Исчадиями Зла:

«С этой минуты вы не дети мне, и имя вам даю Икариты, наипрезреннейшие из всех созданий на свете. Скитаться вам по тверди Великой Сферы и никогда не обрести покоя. Мои истинные создания, Первые Дети, однажды сокрушат вас и лишат крыльев».

И пришло время, и сошлись истинные дети со всех концов Великой Сферы, и сокрушили Исчадия Зла. И до сих пор Первые Дети почитают Древнейшего, и славят его, и повинуются ему.

Так заканчивается первая книга Творения.

Пробегаая взглядом по разноцветным витражам, поблёскивающим между колоннами, я вспоминаю священные тексты. Каждая картина из кусочков стекла напоминает о важном событии, описанном в наших книгах. Яркие цвета сегодня приглушают грозные тучи.

На первом витраже – Древнейший в образе белой птицы. Он посылает на Эртию лучи света. При виде этой знакомой с детства картины меня переполняют тепло и покой.

Вот Галлиана, невольная пророчица, верхом на громадном огненном вороне выводит людей из рабства. В руке у неё Белый Жезл. Рядом Первые Дети обретают ярко-синие железные цветы – символ Древнейшего – как обещание хранить их и впредь от гнёта и тирании. Тем, у кого в руках железный цветок, не страшен огонь демонов.

На рукаве моего платья тоже вышит железный цветок – он оберегает меня от опасностей.

Дальше стеклянной мозаикой искусно выложены сцены битв: Первые Дети сражаются с крылатыми демонами-икаритами, уворачиваясь от огненных струй; бьются с кровожадными оборотнями – волками, лисами и вивернами с глазами-щёлками и раздвоенными языками.

А наверху, надо всеми, Древнейший озаряет Сферу лучами света.

Погрузившись в воспоминания об уроках религии в далёком детстве, я вдруг замечаю какое-то движение у витража с атакующей виверной.

Над головой смертоносной рептилии в квадратике прозрачного стекла мелькают чьи-то глаза. На мгновение показывается крепкий серебряный клюв и... снова пустота.

Страж!

Даже не пытаюсь преодолеть охватившее меня любопытство, я выхожу из собора через массивные парадные двери.

Снаружи в воздухе ощущается странное движение. Где же белая птица?

В самом центре площади возвышается каменная статуя моей бабушки. На улице тихо... пугающе тихо. Нет даже крикливых чаек, к которым я привыкла в Валгарде. Тёмно-серые облака взрываются молнией, издали доносится глухой рокот грома. Со всех сторон к собору медленно тянутся клубящиеся облака.

Спускаясь по ступенькам к площади, я наконец вижу её – белую птицу. Она пролетает у меня над головой и опускается на землю за статуей.

Я медленно обхожу пьедестал, надеясь встретить белого стража. За исполинским мраморным памятником уже не видно собора. Я застываю в тени словно зачарованная.

Тишину нарушает едва слышный раскат грома, похожий на барабанный бой.

Бабушка величественно возвышается рядом. Мы с ней удивительно похожи, как близнецы. Черты её лица, высеченные из мрамора неизвестным мастером, до последней чёрточки повторяют мои, складки плаща ниспадают так естественно, будто передо мной настоящая ткань. Её левая рука грациозно вознесена над головой, волшебная палочка направлена на икарита, в агонии распростёртого у её ног.

Оттуда, где я стою, кажется, будто бабушка целится не в икарита, а в меня.

Облака плывут к собору, и на их фоне бабушка как будто движется, презрительно, с упрёком глядя на меня.

Тебе никогда не сравниться со мной!

Белая птица внезапно выглядывает из-за бабушкиного плеча, в её глазах плещется тревога. Птица качает головой, будто предупреждая меня о чём-то. Можно подумать, она способна мыслить и чувствовать!

И тут сильная костистая рука зажимает мне рот. Другая хватает меня поперёк туловища, намертво прижимая локти к бокам. Я безвольно валюсь назад, на чьё-то твёрдое тело. Меня обдаёт сладковатым запахом тухлого мяса.

Страх приходит не сразу, как боль от ожога – коснёшься случайно пылающей плиты, а в первые мгновения даже не горячо. Вот и теперь сердце разгоняется и начинает бешено стучать, когда гнусавый мужской голос издевательски шипит мне в ухо:

– Не кричи, Чёрная Ведьма, не трать силы. Всё равно никто не услышит.

Я извиваюсь изо всех сил, бью ногами, но вывернуться не могу. Я не могу высвободить даже руку и повернуть голову, чтобы рассмотреть лицо напавшего.

Гром рокочет всё настойчивее, ветер набирает силу, подгоняя тучи к собору.

В отчаянии я кричу сквозь зажимающие мне рот пальцы, безумно шарю взглядом по площади. Никого.

Из тёмного переулка неподалёку к нам спешит какая-то тень, ковляя на невероятно длинных хилых конечностях. Верхняя половина туловища у этого существа обнажена, на голове нет волос, бледная, измождённая кожа груди и рук исполосована шрамами от ударов кнутом. Лицо искажает злорадная ухмылка, за кроваво-красными губами – острые гниющие зубы.

А его глаза... белые, с молочным отливом, лишённые даже намёка на сострадание... в них нет души. Глаза живого мертвеца. На спине, чуть ниже плеч, болтаются короткие обрубки, двигаясь в разные стороны, они имитируют размах крыльев.

У него когда-то были крылья.

Это демон-икарит! Я уже не кричу, а только в ужасе всхлипываю, заметив блеснувшее в его руке лезвие.

Из последних сил я в мольбе сгибаю руки, обращая раскрытые ладони к икариту, прося пощады.

Демон на удивление быстро подбирается ближе и хватает меня за руку так крепко, что его длинные ногти впиваются мне в кожу, и я вскрикиваю от боли.

Он держит меня, рассматривая моё лицо расширенными нечеловеческими глазами.

– Это она! Это Чёрная Ведьма!

– Так чего ты ждёшь?! – отзывается чудовище, которое держит меня сзади. – Убей её, Вестус! Убей, пока она не стала как та, другая!

Существо по имени Вестус заносит над головой кинжал, и у меня подкашиваются колени. Прямо над нами грохочет гром.

– Мы изменим ход событий, Чёрная Ведьма! – вопит Вестус. – Пророчество разлетится вдребезги, Икарит будет жить! Ты умрёшь, и мы снова восстанем!

Дальше всё происходит очень медленно. Демон-икарит отводит назад руку для удара, но в то же мгновение его грудь пронзает длинный клинок. Кровь брызжет фонтаном, заливая мне лицо, и я падаю... падаю... и тот, кто держал меня, тоже падает, и я вдруг понимаю, что мои руки свободны. Я без сил валюсь на холодную, твёрдую землю. Нестерпимо пахнет железом и кровью.

Надо мной склоняется военный.

Лукас!

Он вытаскивает узкое лезвие рапиры из мертвеца и отталкивает икарита. Тот с глухим стуком оседает на землю совсем рядом со мной.

Тётин охранник тянет в сторону второго икарита, высокого и мускулистого, но тоже окровавленного и без сознания. Опять грохочет гром, пропитанная кровью одежда липнет к коже под резкими порывами ветра.

В тёмном переулке за площадью что-то мелькает, там кто-то прячется.

Ещё один икарит! Смерив меня в последний раз взглядом, он будто растворяется в воздухе.

Сильная рука подхватывает меня за локоть. Я в страхе оборачиваюсь и вижу Лукаса. Он что-то кричит, но я не слышу ни звука. Зажмурившись, я качаю головой, пытаюсь прийти в себя, понять, что происходит. Когда я открываю глаза, на меня обрушивается рёв голосов, слух возвращается.

– Там ещё один! – показываю я Лукасу на тёмный переулок.

Лукас направляет в ту сторону волшебную палочку. Из её кончика вырывается сине-зелёное сияние и стрелой летит вперёд. Стены домов заливают яркий свет, сопровождаемый треском, от которого у меня болят уши.

Лукас отдаёт приказы страже. Четверо магов спешат к нам, расчехлив волшебные палочки. Плащи у всей четвёрки оторочены серебряной тесьмой.

По приказу Лукаса маги бросаются в погоню.

– Ты как?! Ничего не сломала?! – кричит мне Лукас.

И тут начинается ливень. Потоки небесной воды текут по земле, смешиваясь с кровью икаритов, собираясь в тёмные, страшные лужи. Я качаю головой, и Лукас помогает мне встать на ноги. Он обнимает меня за талию, не выпуская из другой руки окровавленную рапиру. Баюкая ушибленную кисть, я бреду вместе с Лукасом через площадь.

Повсюду сверкают молнии, и мы спешим добраться до храма. Солдаты осматривают окрестности, а от дверей на нас с ужасом взирают несколько гарднерийцев. Среди них застыли тётя Вивиан и Экко Флад.

Там же и Маркус Фогель. Спокойный как скала.

А птица, белая птица, сидит в нише над дверью в храм. Она неподвижна, будто изваяние, украшение старинного здания.

И следит за мной.

Лукас мечется по комнате, как дикий зверь в клетке, время от времени бросая на меня странные взгляды. Его челюсти крепко сжаты, лицо покраснело от напряжения, лоб нахмурен. Он промок насквозь. Клинок убран в ножны и болтается на боку. В комнату входит один из тётиных охранников и что-то говорит Лукасу, но я не могу разобрать ни слова. Рукой Лукас упирается в бедро, солдат что-то объясняет, Лукас отдаёт приказы. Кивнув, охранник уходит. У него такой вид, будто он спешит выполнить важное задание.

Я сижу на деревянном стуле в алтарной комнатке храма. Меня бьёт дрожь, перед глазами всё плывёт, вокруг столпились храмовые служители в чёрных мантиях.

Пастырь Фогель возвышается надо мной, скрестив перед собой вытянутые руки. Глаза его закрыты, он читает молитву на древнем языке. В яркой вспышке я вдруг вижу чёрные крылья икаритов и мёртвые деревья. Картинки исчезают так же быстро, как появились, оставив меня трястись от страха.

Священник слева от Фогеля покачивает на длинной цепи золотой шар, наполненный ароматной эссенцией. Едкий дым выбирается сквозь дырочки в шаре, обжигает мне нос и сводит желудок.

Глаза Фогеля закрыты, однако я чувствую на себе его взгляд.

Рядом со мной сидит Экко. Она крепко держит меня за руку.

– Что он делает? – в ужасе спрашиваю я. Этого не может быть. Я застряла в кошмарном сне. Так не бывает!

– Тише, Эллен, – шепчет Экко, утешительно пожимая мне ладонь. – Ты взглянула в глаза икариту. Твоя душа запятнана. Пастырь Фогель очищает твою душу.

Там, где икарит вцепился клешнёй мне в руку, боль никак не проходит.

– Где мой дядя? – слабо всхлипываю я. По щекам катятся слёзы. Чужаки вокруг... ритуал очищения души... мне страшно.

Но больше всего я боюсь Фогеля.

Тётя Вивиан стоит в дверях с двумя пожилыми служителями. Её спутники совершенно седые. Они едва слышно переговариваются, обмениваясь мрачными взглядами.

Уронив лицо в ладони, я тихо всхлипываю. Чем дольше читает пастырь Фогель, тем сильнее меня бьёт дрожь, тем явственнее гремят слова молитвы, тем чернее тьма вокруг меня. Молитва понемногу стихает, тьма рассеивается, но я всё плачу, и где-то на задворках сознания слышу голос Лукаса. Он просит разрешения побыть со мной наедине.

Голоса умолкают.

– Эллен. Посмотри на меня!

Суровый приказ Лукаса приводит меня в чувство. Его сильные пальцы сжимают мне локоть. С трудом выпрямившись, я отнимаю от лица мокрые руки.

Лукас стоит опустившись на одно колено, его голова на одном уровне с моей, глаза горят огнём.

– Прекрати!

Так неожиданно звучит его резкий окрик, что я даже перестаю всхлипывать и обиженно сглатываю слёзы. Разве он не был на площади? Не видел, что я пережила? Где-то глубоко внутри меня поднимается тёмная ярость, холодный гнев уступает место страху.

– Так-то лучше, – ворчит Лукас в ответ на мой полный ненависти взгляд. – Ты сильная!

– Откуда ты знаешь?! – Так и хочется его ударить. – Это неправда!

– Правда, – настаивает он, крепко держа меня за руку. – Я чувствую в тебе силу. Ты – копия своей бабушки, в тебе её кровь. Твой дядя здорово тебя подвёл – ни к чему не подготовил...

– Не смей так говорить о моём дяде! – Я пытаюсь вырвать руку, но Лукас держит крепко.

– Кто-то же должен это сказать! Именно он виноват в том, что ты ничего не знаешь. Он оставил тебя безоружной!

Возможно, в чём-то Лукас прав... Но сейчас я не хочу об этом думать!

– Ты ничего не знаешь о моём дяде. Ты его ни разу не видел!

– Эллорен, эти существа побывали у него в доме.

Я застываю, оставив бесплодные попытки вырваться.

– Кто?

– Икариты. Один из них во всём признался Галену перед смертью. Они сбежали из тюрьмы в Валгарде. Среди них есть эмпат. Он откуда-то узнал о тебе, кто-то из его охранников знаком с твоей тётей. Они уже давно ждут этого, Эллорен. Ждут появления новой Чёрной Ведьмы. К твоему дяде они пробрались ночью, он спал. Эмпат прочёл его мысли и узнал, где тебя искать. Если бы тётя не увезла тебя из Галфикса, тебя уже не было бы на свете.

Не в силах шевельнуться, я молча смотрю на Лукаса. Этого не может быть!

– Во мне нет ни капли магии. Почему эти... существа решили, что я и есть Чёрная Ведьма?

Лукас не отвечает. Просто смотрит на меня, ни на секунду не отводя глаз.

Я и так знаю ответ. Моя кровь. Во мне течёт бабушкина кровь. Икарит нашёл меня по крови. А я к тому же на неё очень похожа.

– Был ещё третий икарит, – сдавленным голосом напоминаю я. – Его нашли?

– Нет, – вздохнув признаётся Лукас.

– А что с моим дядей? – едва слышно выговариваю я.

– Жив-здоров, – уже спокойнее отвечает Лукас. – Икариты искали не его, Эллорен. Им нужна ты. – Он выпускает мою руку. – Дом твоего дяди будет взят под охрану. На всякий случай.

– А как же Рейф? И Тристан?

– Я отправил к твоим братьям солдат. Их проводят до границы с Верпасией, если они всё ещё на нашей территории.

– А что потом? Когда они перейдут границу?

Уголки губ Лукаса приподнимаются в скупой улыбке:

– На той стороне за них можно не опасаться. Граница Верпасии надёжно защищена магией. Армия у них большая. Ещё и чародейки из ву трин помогают. В Верпасии ты будешь в безопасности. Да и здесь тоже. Сбежавший икарит слаб – его давно лишили крыльев. Охрана твоей тёти проводит тебя до самого университета, я тоже поеду с тобой. Ректору уже отправили письмо о том, что здесь произошло.

У меня снова ноет запястье.

В надежде на сочувствие я показываю Лукасу израненную когтями икарита руку.

Нежно погладив мою ладонь, он смотрит на меня, но без капли жалости.

– Тебе повезло, – бесстрастно замечает он. – Царапины заживут, а ты навсегда запомнишь, как важно быть готовой ко всему. Это твои первые боевые шрамы, Эллорен.

– Почему ты такой?.. Хоть бы посочувствовал!

– Потому что тебе не нужны глупые нежности! – цедит он сквозь зубы.

– Откуда тебе известно, что мне нужно? Ты ничего обо мне не знаешь!

Лукас со вздохом качает головой.

– Ошибаешься, – тихо отвечает он и выпрямляется во весь рост.

Его мундир залит кровью, ко лбу прилипли завитки чёрных волос. Мы оба насквозь промокли, наша одежда пропиталась потом и кровью. Я вдруг ясно вижу, как клинок пронзает грудь демона-икарита, и вся моя ярость растворяется в океане благодарности.

Лукас спас мне жизнь!

– Ты справишься, Эллорен, – твёрдо говорит он, помогая мне подняться на ноги.

– Пойми, Лукас, я не Чёрная Ведьма.

Он только устало вздыхает в ответ и коротко командует:

– Идём.

Спустя несколько часов мы с Лукасом – уже в чистой и сухой одежде – в одной карете направляемся в Верпасию.

«Лукас тебя защитит, – несколько раз повторила тётя Вивиан, приказывая служанкам-урилкам спешно собрать мой дорожный сундук. Вещей набралось столько, что тётя отдала мне ещё один сундук, даже больше первого. – В Верпасии ты будешь в безопасности. Лукас за тобой присмотрит».

Тётя Вивиан в восторге от того, как повернулись события, и едва пытается это скрыть. Теперь мы с Лукасом прочно связаны и без обручения. Меня всё ещё трясёт от пережитого, и у меня нет сил, чтобы поблагодарить тётю за помощь, а Лукаса – за защиту.

А ведь меня предупреждали... и тётя, и другие... Всё на самом деле так, как описано в священных книгах, как показывают разноцветные витражи в кафедральном соборе. Икариты – Исчадия Зла, и если мы не уничтожим их, они уничтожат нас. А ребёнок Сейдж? Если его судьба – превратиться в кошмарное чудовище, наверное, Совет магов имеет право забрать икарита и лишит его крыльев и волшебной силы.

Или даже убить.

Что, если эти существа вновь обретут магию? Будь у кого-нибудь из напавших на меня крылья, меня бы точно уже не было в живых.

И если тётя так верно почувствовала, что пришло время забрать меня из дома в Галфиксе, возможно, к её интуиции стоит прислушаться. А если она права и в другом? Быть может, шелки действительно просто жестокие, дикие животные, ничуть не лучше икаритов, а настойчивое желание тёти обручить меня с Лукасом – не просто прихоть?

Лукас в ледяном молчании сидит рядом со мной, устремив взгляд в залитое дождём окно кареты. Как я ему благодарна... Если бы не он...

Дорогой мой дядюшка Эдвин... Почему ты ничего мне не сказал? Ни к чему не подготовил? Быть может, ты и не предполагал, что меня ждёт? Почему ты не защитил меня?

Скорее всего, он ни о чём не догадывался. Мой добрый дядюшка мало видел мир, укрывшись в тихом Галфиксе среди скрипок и пчелиных ульев.

Как ни дорог мне дядя Эдвин, приходится признать, что он не только многого не знает, но и во многом ошибается. Как это ни печально.

А тётя Вивиан, скорее всего, права.

Придётся выяснять правду самой. Другого выхода нет.

Глава 15. Верпасия

Баюкая ноющую израненную руку, я смотрю в окно кареты. Льёт нескончаемый дождь. Спустя несколько часов я теряю счёт времени. Совершенно одинаковые фермы и городки за окном сливаются в одно мокрое пятно. Лукас молчит и о чём-то напряжённо размышляет.

Меня больше не трясёт от страха, однако и успокоиться не получается. Интересно, о чём думает Лукас? Он уже давно смотрит в окно, не устаивая меня даже взглядом. Но всё же рядом с Лукасом мне не так одиноко, чем-то мы с ним похожи.

Наконец наша кавалькада замедляет ход, неподалёку появляется сторожевая застава. Солдат в чёрном плаще машет нам, разрешая проезд.

– Граница, – сообщает Лукас.

В этой точке сходятся торговые пути трёх государств, и мы едем всё медленнее, следуя за тяжело гружёнными повозками.

Грохочет гром, за струями дождя почти ничего не видно. Нас обгоняет длинный белый фургон, со всех сторон окружённый солдатами на светло-серых лошадях. У всех солдат очень светлые волосы и серебристо-серые глаза. Всадники кутаются в одинаковые плащи песочного цвета.

– Это торговцы золотом, – прерывает молчание Лукас, заметив мой интерес.

Даже в окутавшей меня пелене страха я не могу не восхищаться удивительными всадниками.

– Эльфы?

– А ты их никогда прежде не встречала?

Я только качаю головой и провожаю взглядом светло-золотистую кавалькаду. Под проливным дождём эльфы ухитряются оставаться невероятно чистыми – к ним не пристаёт дорожная грязь.

Ветер меняется, и я поднимаю взгляд к небесам.

Перед нами западный кряж Верпасийского горного хребта – непроходимые отвесные скалы, окаймляющие границу Верпасии. Серовато-белые камни тянутся к небу, пропадая в грозных облаках, из которых льёт и льёт дождь. Сторожевые башни вырублены прямо в скалах. На крепостных стенах мелькают светло-серые мундиры лучников – они внимательно следят за караванами, идущими в Верпасию. Здесь, возле ущелья, все дороги сливаются в одну.

Дверца нашей кареты распахивается, и внутрь заглядывает лучник. Его лук заброшен за спину, на козырьке фуражки скопились капли дождя. Он похож на эльфа – глаза мерцают серебром, но волосы и кожа серовато-серебристые, чуть темнее глаз.

– Лейтенант Грей, – сердечно приветствует он Лукаса, выговаривая слова с заметным акцентом. Затем он переводит взгляд на меня, и улыбка тут же пропадает с его лица. Явно поражённый, он что-то быстро говорит на языке эльфхоллен.

– Орин, – осторожно обращается к нему Лукас, будто пытаясь успокоить. – Это Эллорен Гарднер.

– Я уж подумал, не восстала ли та, другая, из мёртвых, – с облегчением выдыхает Орин, не сводя с меня глаз.

– Это всего лишь её копия, – улыбается Лукас.

И, к моему удивлению, разговор продолжается на языке эльфхоллен. Орин с мрачным видом несколько раз резко показывает в мою сторону. Я молча жду, чем кончится эта беседа. Тон у Орина далеко не дружеский.

– Ну разве я привёз бы её сюда, владей она хоть каплей магии? – скептически улыбаясь, спрашивает Лукас.

Странно. Он же столько раз уверял, что чувствует во мне силу. Сердце у меня начинает нервно постукивать. Похоже, мне грозит опасность. И Лукас меня защищает.

В последний раз смерив меня прищуренными серебристыми глазами, Орин захлопывает дверцу нашей кареты. Мы можем ехать дальше.

– Ты знаешь эльфхоллен? – изумлённо спрашиваю я, вздохнув с облегчением. Необычный выбор иностранного языка.

– У меня вообще талант к сложным языкам. – Лукас оценивающе смотрит на меня. – Что ты знаешь о народе эльфхоллен?

– Они только наполовину эльфы, да? В них также течёт кровь горных фей? Я немного о них читала, – поколебавшись, отвечаю я.

– И они взяли лучшее от обеих рас, – задумчиво говорит Лукас, забросив руку на спинку сиденья. – Отличные лучники – бьют точно в цель, по горам ходят как по равнине. К счастью для Верпасии, альфсигры ненавидят полукровок. Альфсигрские эльфы по глупости изгнали эльфхолленов со своих земель. – Лукас указывает на сторожевые башни, в которых расположились гарнизоны эльфхолленов. – Только они и поддерживают порядок в ущелье. Ну и пограничная служба в трин помогает – чародейки в трин, – добавляет Лукас с недоброй улыбкой.

Как просто он рассуждает о чародейках в трин и эльфах-полукровках! А с одним из них даже болтает, будто они старые друзья. Большинство гарднерийцев сторонятся полукровок, совсем как альфсигрские эльфы. И ничего удивительного – наш народ несколько раз был на грани полного истребления. Мы стремимся сохранить чистоту нашей расы.

Тем временем эльфхоллены, не боясь ледяного дождя, осматривают повозки – заглядывают под накидки, открывают бочки, опрашивают возниц. Солдат сопровождают темноволосые и темноглазые женщины в чёрных одеждах, увешанные оружием. Их чёрные мундиры испещрены тускло мерцающими тёмно-синими рунами – такими изысканными, что от них невозможно оторвать взгляд.

– Это и есть солдаты в трин? – спрашиваю я Лукаса, зачарованно вглядываясь в вооружённых женщин и руны на их плащах.

Лукас кивает, с уважением глядя на чародеек.

– Они здесь по особому приглашению. Следят за порядком в западном и восточном ущельях, где проходят дороги через хребет. Их присутствие закреплено в мирном договоре, который поставил точку в Войне миров.

– Так странно... – Я с восхищением разглядываю кривые сабли чародеек в трин и серебристые метательные звёздочки – сюрикэны¹, закреплённые на груди. – Женщины в военной форме.

– Мужчинам их расы магии не досталось. Однако женщины сражаются за всех, и очень успешно, – весело улыбается Лукас.

Высокая чародейка с суровым лицом резко оборачивается к нескольким кельтам на конях и подаёт им знак остановиться. На рукавах её чёрной военной формы мерцают синие полукружья охранных рун. Другая женщина, пониже ростом, с синими метками только на правом рукаве, роется в седельных сумках кельтов.

– Что они ищут?

– Контрабанду.

– Какую?

– Оружие, алкоголь... горных драконов, – пожимает плечами Лукас.

Понятно. Наши священные книги запрещают пить спиртное, в Гарднерии алкоголь законно не купишь. В «Книге древних» целые страницы рассказывают о зле опьянения. Но вот драконы – это что-то новенькое... откуда они здесь?

¹ Японское метательное оружие небольшого размера в виде звёздочек, игл, гвоздей, ножей, монет и т. д.

– Горные драконы – какие они?

– Это самые жестокие из всех известных драконов, – поясняет Лукас. – Они могут стать хорошим оружием. Ну и бои с ними устраивают. – Он отрывается от чародеек за окном и переводит взгляд на меня. – Это настоящие драконы. Они никогда не меняют облик.

Я видела драконов всего дважды, и оба раза – в Галфиксе, высоко в небе. Это были чёрные гарднерийские драконы. Обычно они перетаскивают грузы для военных и могут извергать пламя, если понадобится. Поговаривают, что в Восточных землях водятся разные драконы: есть и огнедышащие виверны-оборотни, и змеи-оборотни, которые изрыгают молнии и умеют управлять погодой.

Карета подпрыгивает на кочке, сбивая меня с мысли. Мы ещё какое-то время еле ползём, то и дело останавливаясь, но вскоре движение налаживается.

Спустя несколько часов дождь почти стихает, и перед нами открываются северный и южный пики Верпасианского хребта – великолепные творения природы, прочные пограничные стены Верпасии. Я никогда не видела гор такой головокружительной высоты, с искрившимися на солнце снежными шапками.

Весь остаток путешествия я нерываюсь от окна. Сколько необыкновенного мне ещё предстоит увидеть!

Дорога проходит через конный рынок. Мы снова еле ползём, но я не против, ведь здесь столько интересного!

Продавцы-эльфы хвастаются кобылами светло-песочной масти. Они сбросили капюшоны и выставили на всеобщее обозрение заострённые уши и длинные белые волосы, заплетённые у висков в тонкие косы. Рядом с эльфами – крепкие, мускулистые женщины в чёрных штанах, сапогах того же цвета и длинных красных блузах, перетянутых поясом. На груди и руках каждой сияют кроваво-алые руны, чем-то похожие на знаки чародеек ву трин. Однако здесь женщины очень разные: среди них и белокожие блондинки, и красотки с разноцветными волосами, как у урисков, и лицами всех оттенков коричневого.

Они тоже увешаны оружием, у многих на лицах татуировки, напоминающие руны на их одежде, кое-кто даже носит пирсинг. У женщины с ярко-рыжей копной волос поблёскивает в носу металлическое кольцо, заострённые уши тоже утыканы небольшими колечками из тёмного металла.

– Это амазакарины, – поясняет Лукас. – Наездницы с Каледонских гор.

– Они такие же грозные воительницы, как чародейки ву трин? – разглядывая женщин, спрашиваю я.

– Пожалуй, – смеётся Лукас.

– Глядя на них, и не скажешь, что они все одной расы. Только одеты одинаково.

– Амазы принимают к себе женщин любой расы, – улыбается Лукас. – Возьмут и тебя, если попросишь. И научат биться топором!

Недоумённо взглянув на Лукаса, я замечаю высокую воительницу. Её бело-розовые волосы заплетены в косы и стянуты в узел на затылке, лицо покрыто татуировками. На перевязи за её спиной огромный топор с блестящим лезвием, рукоятка пестрит рунами. Женщина переводит на меня суровый взгляд узких глаз, я от неожиданности вздрагиваю и поспешно отворачиваюсь. Сердце у меня ещё долго тревожно стучит, как после встречи с опасностью. Карета наконец рывком двигается вперёд, и грозные воительницы остаются позади.

Мы едем всё быстрее по извилистой дороге через лес под вновь разгулявшимся дождём. Впереди виднеется поляна, где-то вдали маячит Южный хребет, лес понемногу отступает.

Вот и Верпакс – за пеленой дождя поблёскивают купола и шпили университетского городка, расположившегося в необъятной долине. В сумеречном тумане мерцают золотистым светом фонари и факелы. Город окружён каменной стеной, у ворот возвышаются сторожевые башни.

Я в немом восхищении вбираю в себя эту удивительную картину, в груди поднимаются волнение и сладкий трепет.

– Добро пожаловать в Верпакс! – с насмешливой улыбкой говорит Лукас.

Часть 2

Пролог

– Нельзя оставлять Белый Жезл в руках Чёрной Ведьмы!

– Белый Жезл сам выбирает свой путь. И тебе это прекрасно известно. Вмешавшись, мы лишь накличем беду.

Две женщины стоят у высокого окна в сторожевой башне у ворот в Верпакс. Их взгляды прикованы к изящной карете, которая медленно движется к университету по извилистой дороге. Лошади тяжело ступают, склонив головы навстречу дождю и ветру.

Издали доносятся глухие раскаты грома.

Одна из женщин, гарднерийка, смотрит спокойно и сосредоточенно. Её зелёные глаза прищурены. Это заметно даже за стёклами очков в тонкой золотой оправе. Тёмные волосы уложены на затылке аккуратным узлом.

Вторая, чародейка в трин, одета в чёрную военную форму, украшенную мерцающими синими рунами. На груди у неё зловеще сверкают острые как бритва сюрикэны, на поясе – изогнутые мечи в ножнах. У неё тёмные глаза, очень смуглая кожа, длинные прямые волосы свёрнуты в тугое кольцо, как носят солдаты в трин.

– Если она и есть Избранная, мы должны немедленно нанести удар, – с едва сдерживаемой яростью говорит чародейка. – Прежде чем она осознает свою силу. Пока у нас ещё есть время.

Холодным взглядом она провожает карету. В этот момент небо пронзают молнии и тут же отражаются в её стальных сюрикэнах.

Гарднерийка поднимает руку в безмолвном протесте. Над башней грохочет гром.

– Терпение, Кам. Терпение. Дадим девочке шанс.

– Ты забыла пророчество? – резко поворачивается к собеседнице чародейка.

– Пророчество туманно. У девочки есть выбор, как и у каждого из нас. Её будущее не предопределено. Быть может, она не пойдёт дорогой тьмы.

– Ты помнишь её бабушку? Помнишь?! – Лицо чародейки темнеет от гнева. – Когда-то и она была юной. И у неё тоже был выбор! И она его сделала, убив в итоге тысячи моих соплеменников!

Гарднерийка сочувственно вздыхает.

– Я знаю, что ты пережила, Кам.

– Тебе не понять, – вздрогнув, отвечает чародейка.

Слова будто застревают в воздухе, пока женщины смотрят друг другу в глаза.

Гарднерийка успокаивающим жестом касается плеча Кам, но та не двигается с места, сжимая ладонями рукоятки мечей, готовая сражаться даже с призраком пережитых кошмаров. Гарднерийка отворачивается к окну. На западе снова грохочет гром.

– Сейчас не время наносить удар, Кам, – непреклонно говорит она. – Белый Жезл выбрал её. Подождём, выясним, почему ей достался Жезл, узнаем, из какого теста эта девочка. Лёгкой жизни в университете у неё не будет – об этом я позабочусь. Её тётя, как ни странно, на моей стороне.

Чародейка вопросительно вскидывает брови.

– У Вивиан Деймон на то свои причины, – поясняет гарднерийка. – Племянница заартачилась, отказалась обручиться с Лукасом Греем.

– Её хотят обручить с многообещающим офицером гвардии? Подходящий выбор!

Последнее замечание гарднерийка не удостоивает ответом.

– Мои головорезы уже беснуются, – мрачно предупреждает чародейка. – А если они сочтут, что здесь к девушке благосклонны, я не дам за её жизнь и ломаного гроша. Слишком много страданий принесла её бабка нашему народу... и натворила бы ещё много чего, не пади она от руки икарита. И если она, – чародейка кивает на удаляющуюся карету, – действительно избранная, то превзойдёт не только Карниссу, но и станет сильнейшей из магов, когда-либо живших в Гарднерии.

Гарднерийка молча размышляет, сжав губы в тонкую упрямую линию. Тишину нарушает лишь тикание настенных часов.

– Тебе сейчас действительно тяжело, – наконец отвечает она, напряжённо сощуренными глазами вглядываясь в лицо Кам Вин. – Если Белый Жезл оставит Эллорен Гарднер или если она хотя бы попытается связаться с амазакаринами, пусть Кин Хоанг наносит удар.

Кам Вин не отводит глаз, не мигая выдерживает взгляд проректора.

– Я согласна с таким решением... пока, – после многозначительной паузы произносит чародейка. – Однако будь осторожна. Наше терпение не бесконечно.

Глава 1. Университет Верпакса

Последний рывок – и наша карета наконец останавливается, преодолев длинную, извилистую дорогу по долине. Огни города, как светлячки, мерцают сквозь густой влажный туман.

Перед нами ворота в Верпакс. По обе стороны возвышаются, словно удерживая их, каменные сторожевые башни с высокими окнами. Чтобы рассмотреть башни, я запрокидываю голову. В одном из окон я замечаю наблюдающие за нами две женские фигуры в чёрных одеждах, но из-за дождя я не могу рассмотреть их лиц.

– Я сейчас вернусь. – Лукас выходит переговорить о чём-то с не улыбающимися чародейками ву трин, охраняющими ворота, а мой взгляд будто притягивают две чёрные фигуры за окном.

– Граница хорошо защищена, – сообщает Лукас, легко запрыгивая в карету. Его плечи и волосы намочили под моросящим дождём. – Ты будешь под надёжной охраной.

Карета проезжает в ворота университетского городка, оставив позади женщин в башне и охрану ву трин.

Даже сегодня, в дождливый и ветреный день, жизнь в Верпаксе бурлит.

Кругом красуются разноцветные гербы различных гильдий, яркими пятнами выделяясь на фоне серого неба и каменных стен. По узким улочкам, вымощенным булыжником, карета катит мимо магазинчиков и таверн. Наклонив головы навстречу дождю и ветру, совсем как наши лошади, спешат по делам прохожие – гарднерийцы, кельты, верпасиане, эльфхоллены, уриски и эльфы. Среди тёмных студенческих мантий то и дело мелькают зелёные профессорские.

Столько народу... и все такие разные!

А ещё магазины, таверны, мастерские!

Вот стекольщик, сыровар, кузнец из Восточных земель, а в этой лавке можно выбрать лучшие гарднерийские волшебные палочки... Рядом – постоялый двор. Прижавшись к окну, я жадно разглядываю богато расшитую золотистыми рунами накидку оружейника. Он продаёт инкрустированные драгоценными камнями рапиры, на его голове красуется зелёная повязка с такими же рунами.

А вот и самое интересное – сверкающие чистотой окна аптеки. Над дверью знак гарднерийской гильдии аптекарей – белая ступка и пестик на чёрном фоне, на ручке ступки – серебристый шарик Эртии, по краям – венок из листьев. Внутри вдоль окон аккуратными рядами выстроились бутылочки со снадобьями, с потолка свисают пучки целебных трав. За прилавком гарднерийка что-то любезно объясняет покупателю.

Как здорово! Быть может, когда-нибудь я стану хозяйкой такого же чудесного магазинчика и буду стоять за прилавком, как она.

Дорога расширяется, и мы проезжаем в открытые кованые ворота на территорию университета Верпакса.

Карета кружит по узким улочкам среди густой толпы, в которой всё чаще мелькают зелёные профессорские мантии. Наконец мы останавливаемся перед огромным, увенчанным сразу несколькими белоснежными куполами зданием. Это главное здание университета – Белый колледж.

При виде громадного, мокрого от дождя купола я с облегчением вздыхаю.

– Где мои братья? Они уже здесь? – поворачиваюсь я к Лукасу.

– Наверное. – Помолчав, Лукас предупреждает: – Я отведу тебя к ним, а потом мы с тобой съездим к Северному хребту, подальше от суеты, и проверим, как ты управляешься с волшебной палочкой.

Он произносит эти слова спокойно, но взгляд его так настойчив, что спорить с ним совсем не хочется, и я только киваю в ответ.

Довольный моим быстрым согласием, Лукас набрасывает капюшон, выходит под дождь и подаёт мне руку.

Выбираться из уютной кареты совсем не хочется... но рядом с Лукасом мне ничто не страшно. Опершись о его руку и поплотнее стянув у горла плащ, я выхожу наружу.

Под колючими каплями ледяного дождя мы идём к широкой лестнице, которая поднимается к арочному входу. Предвкушая скорую встречу с братьями, я почти забываю о страхе.

Рейф, Тристан, Гарет.

Они здесь, совсем рядом.

Лукас распахивает передо мной тяжёлую дверь и знаком отпускает кучера и охрану. Карета трогается, и в то же мгновение я вступаю в просторный, залитый светом факелов зал, где меня уже ждут... но не те, кого я так надеялась увидеть.

Нас окружают плотным кольцом гарднерийские солдаты, лучники эльфхоллены и чародейки ву трин.

Лукас хватает меня за руку и отталкивает за свою спину, выхватывая из ножен волшебную палочку.

Тишину пронзает скрежет изогнутых мечей, покидающих ножны, и шелест натягиваемой тетивы множества луков. Украшенные рунами изогнутые мечи чародеек и стрелы эльфхолленов нацелены на Лукаса.

– Прочь с дороги! – приказывает эльфхоллен в сером мундире с синей полосой на груди.

– В чём дело? – требовательно спрашивает Лукас у гарднерийского военного с суровым лицом, судя по знакам отличия – широкая серебристая кайма по низу плаща и такие же полосы на рукавах, повыше локтей – главнокомандующего гарднерийскими военными силами.

Это же Лахлан Грей! Отец Лукаса.

Странно... они с Лукасом почти не похожи... вот только упрямые подбородки и изумрудно-зелёные глаза у них совершенно одинаковые.

– Нам стало известно, что маг Эллорен Гарднер никогда не проходила официальной церемонии проверки владения магией, – едва сдерживая гнев, цедит Лахлан Грей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.